СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

VII — 1212

* БИБЛИОТЕКА * ЧЕЛЯБИНСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО

КНИЖНОЕ СОБРАНІЕ
П. Е. КЕППЕНА
№ 1.
Отдѣлъ каталога XXIV
Шкафъ XIV
Полка III
№ 6

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА,

ДѢТСКІЙ И ЮНОШЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ М. Ѳ. РОСТОВСКОЙ.

* БИБЛІОТЕКА * ЖЕНСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО

ОТДѢЛЪ

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Проч. 50
23607

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Н. Майкова, въ домѣ Министерства Финансовъ, на Дворцовой площади.
1869.

Дозволено цензурою, 12-го декабря 1868 г., С. Петербургъ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ

ЖЕНСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА * БИБЛІОТЕКА *

ИМѢЕТЪ СЧАСТІЕ ПОСВЯТИТЬ

всеподданнѣйшая и преданнѣйшая

Марія Ростовская.

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

ЯНВАРЬ 1869 ГОДА.

То зеркало лишь хорошо, которое
вѣрно отражаетъ.

ЖУЧКА.

Я бросился въ ту сторону... смотрю... щеночекъ (стр. 7).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Находка.

Въ половинѣ ноября 1854 года, въ Казанской губерніи зима была чудесная, снѣжная, не очень холодная, и дороги, казалось, были устланы серебрянымъ мягкимъ ковромъ.

Въ деревняхъ зиму встрѣчаютъ съ большею радостію, чѣмъ въ городахъ, такъ какъ санный путь облегчаетъ всѣ переѣзды. Грязь и дождливая осень истинное наказаніе для крестьянъ, которые, несмотря ни на какія дороги, безпрестанно должны ѣздить то за сѣномъ, то за дровами, то исправлять молотьбу, или перевозить то — то, то — другое.

Въ одной деревнѣ Спасскаго уѣзда жилъ зажиточный мужичекъ Макаръ.

Имѣя добрую жену Ѳедосью, двѣ дочери, Аксютку, Дуню, и три сына, Васейку, Ваньку и Ганьку, онъ жилъ припѣваючи.

Дочери были старшія, и Аксютка поспѣвала уже въ невѣсты: ей былъ шестнадцатый годъ. Дунѣ только что минуло тринадцать.

Васейка на видъ былъ такой плотный, здоровый и румяный мальчикъ, что ни кто бы не повѣрилъ, что ему только осенью исполнилось двѣнадцать лѣтъ. Онъ ужь былъ помощникомъ отцу, способнымъ на всякую работу.

Ванька и Ганька были двойни и такъ похожи другъ на друга, что только отецъ и мать могли ихъ различать. Имъ было семь лѣтъ, оба черноглазые, съ бѣлокурыми, курчавыми волосами, съ бойкимъ взглядомъ, съ ловкими движеніями, премилыми рожицами и свѣжими, какъ персики, щеками.

Родившись въ одинъ день, они чрезвычайно были дружны: куска хлѣба одинъ безъ другаго съѣсть не могъ, играли всегда вмѣстѣ и спали на полатяхъ рядомъ.

Иногда Ванька на улицѣ поздно заиграется, а Ганька сидитъ тутъ же на лавочкѣ, зѣваетъ и реветъ во всю силу... Что ты ревешь, Ганя? спроситъ у него кто нибудь изъ избы.

— Спать хочу, а вишь Ванька нейдетъ,— отвѣчаетъ мальчикъ.

— Иди съ Богомъ, полѣзай на полати.

— А Ванька-то останется... его жаль... говоритъ запинаясь Ганька.

— Ну-ну, иду... чего ревешь? замѣчаетъ надувъ губы Ванька, еще ночь длинна: выспишься.

Ребятишки тогда, взявшись за руки, идутъ въ избу и, помолившись Богу, влѣзаютъ на полати, гдѣ прижимаясь крѣпко другъ ко другу, засыпаютъ на одной подушкѣ, безъ заботнымъ сномъ счастливаго младенчества.

Если кто спроситъ:

— Ваня, который тебѣ годъ?

Ванька отвѣчаетъ:

— Не знаю... Ганька знаетъ... онъ говоритъ: семь.

— А Ганѣ который годъ?

— Ему-то семь, я знаю, отвѣчаетъ увѣрительно Ваня.

Если Ѳедосья или, какъ ее въ деревнѣ звали, Кузьминишна скажетъ:

— Ваня, голубчикъ, подай съ полки каравай хлѣба, — оба мальчика бросались бѣгомъ къ извѣстной полкѣ и тащили вмѣстѣ хлѣбъ, который чуть ли не былъ тяжелѣе ихъ обоихъ.

Они были рѣшительно неразлучны и никогда никто не видалъ ихъ отдѣльно.

Самъ Макаръ разсказывалъ:

— Точно душа-то въ нихъ одна: бывало, еще капельные были, одинъ заплачетъ, и другой тотчасъ туже пѣсню затянетъ; да и теперь: одинъ голоденъ, и другой ѣсть проситъ; одинъ хочетъ спать, и другой, глядишь, ужь покачивается, а носомъ-то такъ и клюетъ. Даже жаль ихъ, сердечныхъ; Христосъ знаетъ, какова будетъ ихъ жизнь, какъ выростутъ, и все ли придется жить вмѣстѣ?

Хотя они были еще очень малы, но и въ нихъ часто случалась надобность; напримѣръ: загнать домой скотину, привести изъ луговъ лошадей, вымести избу, натаскать хворосту.

Иногда Ѳедосья посылала ихъ достать подъ навѣсомъ въ гнѣздѣ яичко, что курочка снесла; въ другой разъ заставляла накормить насѣдку съ цыплятами пшенной кашей: и все это мальчики исполняли скоро и съ большимъ усердіемъ.

Что еще было замѣчательно, это то, что они никогда не ссорились. Впрочемъ, доброе семейство Макара было такое мирное, онъ самъ никогда не шумѣлъ, не бранился, и ребята его не видывали въ домѣ отцовскомъ никакого дурнаго примѣра.

Пословица не даромъ говоритъ, что яблоко не далеко падаетъ отъ яблони.

Дѣти Макара и Ѳедосьи были такія же добрыя, какъ отецъ и мать.

Одинъ разъ Ѳедосья, затапливая печь, сказала мужу:

— Хозяинъ, надо дровъ... погляди: ну, что будетъ за тепло отъ хвороста? а дровъ ни полѣна нѣтъ...

— Вотъ теперь съѣздимъ, Богъ далъ пу-

ти, слава ти Господу, легонько съѣздимъ, отвѣчалъ мужичекъ, поглядывая около себя. Да гдѣ же ребята?

— Аксюшка пошла коровѣ сѣнца дать, а Дуня никакъ побѣжала за веретеномъ къ крестной; Васейка ушелъ за водой; а Ваня съ Ганей вонъ на улицѣ въ снѣжки играютъ.

— Вишь, охота пуще неволи.

— Да никакъ на дворѣ тепло?

— А все въ избѣ теплѣе, отвѣчалъ Макаръ; паръ костей не ломитъ.

— Да они у насъ холода не боятся; смотри, какъ весело играютъ, продолжала Ѳедосья, заглядывая въ небольшое окно на улицу.

Ваня съ Ганей, съ поддернутыми кафтанами, бѣгали въ запуски съ другими ребятишками и кидали другъ въ друга большими снѣжными комками.

Надо было видѣть, какъ Ванька ловко отдѣлывался въ то время, какъ ребятишекъ двадцать нападали на него: онъ самъ бойко и проворно отвѣчалъ имъ тѣми же комками, которыми они въ него бросали, и выбѣжалъ наконецъ изъ подъ ударовъ товарищей съ громкимъ смѣхомъ и съ видомъ побѣдителя.

— Катай въ Гришку, закричалъ Ванька брату.

Гришка былъ лѣтъ шести, не больше, мальчикъ худенькій, рыженькій и всегда грязный. Всѣ ребятишки стали бросать въ него снѣгомъ, Гришка, не робѣя отвѣчалъ имъ тѣмъ же, но вскорѣ заревѣлъ во все горло и побѣжалъ къ отцовской избѣ.

— Что, Гришка, скоро струсилъ? спросилъ у него со смѣхомъ Ганя.

Гришка, не оглядываясь, продолжалъ бѣжать и кричать на всю улицу. Ребятишки кидали ему вслѣдъ снѣгомъ и онъ, весь бѣлый съ ногъ до головы, поворотилъ въ калитку.

— Экой рёва! смѣясь сказалъ Ваня.

— Сами вы бѣсенята, закричалъ имъ всхлипывая Гришка, выглянувъ изъ-за калитки и захлопнувъ ее вслѣдъ за собой.

Солнце такъ ярко свѣтило; весело было глядѣть на веселыхъ ребятишекъ; воздухъ былъ полонъ блестящими снѣжными искрами; день былъ чудный зимній, который нашему брату, русскому, почти лучше всякаго лѣтняго.

Похлопывая въ ладоши, чтобы отогрѣть руки, ребятишки пристукивали въ ладъ ногами, и даже приплясывали по снѣгу, который хрустѣлъ и скрипѣлъ, вмѣсто музыки, при этой пляскѣ.

— Экой Ваня лихой! закричалъ Тимоша, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. У него былъ надѣтъ большой крестьянскій кафтанъ на голову, который сзади тащился какъ длинный хвостъ; только одна краснощекая рожица, съ живыми черными глазами, выглядывала изъ подъ него.

Ваня, въ эту минуту, скатавъ снѣгъ въ огромный комъ, прикатилъ его на средину улицы, и на всемъ бѣгу перескочилъ ловко чрезъ него, къ большому удивленію товарищей.

— И я такъ прыгну... сказалъ Ганя, только кафтанъ мѣшаетъ.

— Долой его съ плечъ, замѣтилъ Тимоша.

Ганя сбросилъ кафтанъ, и оставшись въ одной рубашкѣ, разбѣжался и съ размаха перескочилъ легонько чрезъ комъ снѣга.

Это подстрекнуло и другихъ дѣтей: въ одну минуту они всѣ очутились, какъ среди лѣта, въ однихъ рубашкахъ; и всѣ по очереди посыпались, одинъ послѣ другаго, и какъ птицы перелетали чрезъ комъ Вани, кто лучше, кто хуже... но не отставалъ ни одинъ.

Иные задѣвали ногами и падали къ большому удовольствію товарищей.

Громкій смѣхъ раздавался тогда кругомъ и со всѣхъ сторонъ слышны были слѣдующія насмѣшки:

— Ахъ, ты, эдакой кулекъ!.. а этотъ, никакъ запнулся... да и покатился! эй, ты, бѣлоголовый! шапку потерялъ... и рукавицы-то на дорогѣ остались.

Если же, напротивъ, ребятишки перепрыгивали ловко, то кругомъ говорили:

*

— Вишь, удалецъ! лихо, братъ, спасибо; катай, Петя, катай за нимъ... да смотри, не зѣвай! ай да другъ: славно, славно! грошъ за мной...

Около играющихъ собралась куча зрителей: матери вышли изъ-за воротъ, иная, завернувшись въ шубу, держала на рукахъ крошечнаго ребенка, посинѣлаго отъ холода; другая, пробираясь до своихъ, говорила: Андрюшка, Петя, полно вамъ мерзнуть... идите погрѣться на печку.

— Куда имъ, тетка, некогда! отвѣчала старушка, закутанная въ шубу; вишь и не слушаютъ.

— Нѣтъ, кума, пойдемъ лучше домой: ихъ не дозовешься.

Въ эту минуту вышелъ изъ избы Васейка.

— Ваня, Ганя! закричалъ онъ,—васъ отецъ кличетъ.

Ребятишки, накинувъ кафтаны, поспѣшили воротиться домой.

— Эй вы, ребята! выведите-ка Мухортку, да Соловую надо запречь въ дровни: мы поѣдемъ съ Васей за дровами.

Оба мальчика отправились проворно подъ навѣсъ, отвязали лошадей, вывели на дворъ и, надѣвъ хомуты, начали запрягать:

Тутъ вышелъ къ нимъ Макаръ.

— Что же ты ремень-то не притянулъ? сказалъ онъ Ванѣ. Экой братъ! такъ и до воротъ не доѣдешь... да и хомутъ-то у тебя весь на боку; — сбѣгай за возжами, и кнутъ тамъ на лавкѣ подъ окномъ; да зови брата, — пора ѣхать.

Ваня побѣжалъ въ избу, Ѳедосья помогала Васѣ одѣться.

— Васеюшка, говорила мать, опояшься поплотнѣе, чтобы тебя не продуло; да вотъ рукавицы шерстяныя, а то станешь дрова рубить, руки-то, знаешь, какъ озябнутъ: теперь не лѣто...

— Не боись, не озябну, отвѣчалъ весело мальчикъ; я никогда морозу не боялся, а теперь и подавно: вишь, какъ тепло въ полушубкѣ-то — прощай, мама.

— Прощай, голубчикъ! Вотъ захвати хлѣба ломоть, а то, пожалуй, къ обѣду запоздаете: теперь ночь свѣтлая, не увидишь, какъ подкрадется.

— Давай, давай всю краюшку... я спрячу за пазуху; оно и правда, ѣсть захотимъ, а негдѣ будетъ взять.

Ваня отыскалъ кнутъ, возжи, и вмѣстѣ съ братомъ выбѣжалъ на дворъ.

Лошади были запряжены. Макаръ опоясался сверхъ кафтана и надѣлъ рукавицы.

— Ну, съ Богомъ, сказалъ онъ, присѣвъ на дровни, и взмахнувъ возжами на мохнатую Мухортку, которая, хотя была взъерошена и невзглядна, но вполнѣ заслуживала любовь дѣтей и хозяина, какъ добрый конь. Она бодро и весело выѣхала на улицу.

Вася, на ногахъ, на другихъ дровняхъ, помахивалъ кнутомъ на Соловую, которая лѣниво переступала и едва поспѣвала за Мухорткой.

Ваня и Ганя выбѣжали за ними, проводили ихъ глазами по дорогѣ и, когда Макаръ и Вася поворотили въ околицу, ребятишки, назябнувшись, прибѣжали домой и проворно взобрались на полати.

— Что, надроглись? спросила ихъ мать.

— Ничего... только рукамъ да ногамъ холодно, отвѣчалъ Ваня.

— А у меня такъ уши озябли... сказалъ Ганя.

Оба мальчика прижались другъ къ другу, выглядывали съ полатей, и милыя эти рожицы, съ кудрявыми, бѣлокурыми головенками, весело улыбаясь, показывали бѣлые какъ жемчугъ зубы.

— Дуня, дай имъ по блинку, сказала мать; я чай, ѣсть хотите?

— Когда не хотимъ? отвѣчали со смѣхомъ дѣти.

Дуня достала имъ по гречневому блину, и ребятишки принялись съ удовольствіемъ завтракать.

Между тѣмъ Ѳедосья хлопотала и хозяйничала, разметала въ печкѣ помеломъ, по-

ставила въ нея горшокъ щей да чугунъ съ кашей, потомъ принялась мѣсить хлѣбы, затѣмъ все въ избѣ прибрала, вымыла столъ, обтерла съ оконъ воду и работала безустали.

У Макара двойныхъ рамъ не было, и потому, отъ мороза, вода со стеколъ такъ и бѣжала; но въ избѣ было тепло и только, когда отворяли въ сѣни двери, по столбу холоднаго воздуха можно было догадаться, что на дворѣ морозило.

Аксинья у окошка сидѣла за пряжей, и можно было полюбоваться, какъ ловко она дергала лѣвой рукой ленъ изъ гребня и какъ проворно правой вертѣла веретено.

Она была хорошенькая дѣвушка; но въ деревняхъ мало смотрятъ на красоту, а гораздо болѣе восхищаются трудолюбивыми руками, чѣмъ красивымъ личикомъ.

Аксюша же такъ была на все способна, что про нее говорили: *золотыя руки*.

Дуня, повязанная краснымъ платкомъ, въ накинутой на плечи китайчатой синей душегрейкѣ, шила у окна отцу рубашку. Она сидѣла съ ногами на лавкѣ и, пришпиливъ работу на колѣни, пѣла во весь голосъ; только Ѳедосья, взглянувъ на ее замаранныя руки, сказала:

— Экая ты, Дуня, неопрятная! сѣла за работу, а руки всѣ въ сажѣ. Дѣло ли это! Поди, поди умойся; я люблю, какъ ты пѣсни поешь, да не люблю, какъ не ладно дѣло дѣлаешь... Вишь, какая чумазая... стыдъ смотрѣть!

Пристыженная дѣвочка вскочила и выбѣжала на дворъ.

— Ужь за одно и лице-то умой, закричалъ ей вслѣдъ Ваня; подумаютъ, пожалуй, что тебя въ трубѣ коптили... и на носу-то все сажа...

— И гдѣ она такъ выпачкалась? спросила мать.

— За котятами подъ печку лазила, отвѣчалъ Ганя. Она меня туда посылала, да я не полѣзъ... я боюсь...

— А чего же ты боишься?

— Пѣтуха... онъ задора...

— Вишь выдумалъ! кого пѣтухъ тронетъ?

— А меня... анамѣднясь и такъ онъ мнѣ палецъ ущипнулъ.

Ѳедосья засмѣялась, а мальчикъ, въ свое оправданіе, съ полатей показывалъ свой мизинчикъ.

Прошелъ полдень, на дворѣ стало смеркаться, а Макаръ и Вася все еще не возвращались.

— Ужь пора бы и ужинать, хозяинъ все не ѣдетъ: сбѣгайте, Ваня съ Ганей, да поглядите, не видать ли ихъ за околицей? сказала Кузьминишна, выдвигая ухватомъ горшки изъ печки.

Ребята выбѣжали на улицу.

Я чай, они ѣсть пуще нашего хотятъ, замѣтила Аксюта.

— Вѣстимо пуще, отвѣчала мать; мы ужь поѣли, слава-ти Богу; хорошо еще, что я Васейкѣ успѣла за пазуху сунуть краюшку хлѣба.

Не прошло десяти минутъ, какъ ребятишки воротились.

— Ѣдутъ! ѣдутъ! сказали они оба, вбѣжавъ въ избу; — сейчасъ въ околицу поворотили.

Ѳедосья проворно нарѣзала нѣсколько ломтей хлѣба, поспѣшила посолить щи, поставила чугунъ съ кашей, вынула изъ стола деревянныя ложки и сказала Аксютѣ:

— Бѣги и принеси кружку квасу, да бѣгомъ бѣги, слышишь... а вы, ребята, ступайте, помогайте отцу отпрячь лошадей, да не забудьте ворота на запоръ заперѣть: а то свиньи по всей улицѣ разбредутся — поди ихъ послѣ лови да собирай.

Первый вошелъ въ избу Вася. Онъ по русскому доброму обычаю перекрестился и, кинувъ теплую шапку и рукавицы на лавку, поспѣшилъ сказать:

— Мама, я съ прибылью...

— Съ какой, родимый?

— А вонъ погляди-ка.

Аксинья и Дуня подбѣжали къ мальчику,

который вынулъ изъ за пазухи крошечнаго щенка.

Тутъ же вошли Макаръ и Ванька съ Ганькой, которые также окружили брата.

— Ахъ, да какой милый!

— Гдѣ ты его взялъ?

— Покажи, Васеюшка.

— Смотри какой капля!.. еще слѣпенькій.

— Чего ужь! видно, что недавно родился.

Щенокъ протягивалъ свои крошечныя лапочки и, казалось, чего-то искалъ.

— Его надо покормить, сказала Ѳедосья.

— Я давалъ ему хлѣба, отвѣчалъ Вася, да онъ не беретъ.

— Онъ не умѣетъ еще ѣсть, ему надобно дать молочка, замѣтила мать. Аксюта, достань у меня тамъ на полкѣ рожечекъ; а ты, Дуня, принеси скорѣй горшокъ съ молокомъ.

— Ахти, да хозяинъ ѣсть хочетъ!.. постойте маленько. Онъ, видно, еще не больно голоденъ, когда не пищитъ; а Макаръ съ утра ничего не ѣлъ.

— Я его за пазухой отогрѣлъ, такъ онъ и молчитъ, сказалъ Вася; а то, мама, онъ такъ жалко пищалъ, что бѣда.

— Садитесь за столъ, сказалъ хозяинъ.

Всѣ помолились Богу и сѣли ужинать; щенокъ лежалъ смирно у Ѳедосьи на колѣняхъ.

— Васейка, да гдѣ же ты его взялъ? спросилъ Ваня.

— А вотъ какъ поужинаю, такъ разскажу, отвѣчалъ Вася.

— Вѣрно въ лѣсу нашелъ, замѣтилъ Ганя; вѣдь все изъ лѣсу приносятъ: и дрова, и грибы, и ягоды.

— Вишь, какъ сморозилъ, засмѣясь сказалъ Макаръ; видно и щенята, по твоему, какъ клюква подъ снѣгомъ родятся... Ай, братъ, Ганя, хитро придумалъ!

— А вотъ какъ поживемъ, такъ и ума наживемъ, замѣтила съ усмѣшкой Ѳедосья. Еще Ганя что у насъ за человѣкъ? Такъ себѣ, чуть-чуть поразумнѣе этаго щенка.

Когда они отужинали и наскоро все убрали со стола, щенокъ поднялъ такой крикъ, что по неволѣ надобно было позаботиться и его накормить.

Ѳедосья налила въ рожокъ молока, и не успѣла поднести къ его мордочкѣ, какъ онъ схватился за него какъ ученый и, помогая лапками, громко сосалъ и даже причмокивалъ.

Ребята, стоя вокругъ матери, глядѣли на него съ любопытствомъ.

— Смотри, какъ лихо сосетъ, сказала Аксюша.

— И какой гладенькій, точно бархатный, продолжалъ Ваня, поглаживая его рукой.

— Какую-жъ дадимъ мы ему кличку? спросила Ѳедосья.

— Вишь, онъ весь черный, сказалъ Макаръ, назовемъ его Жучкой.

— Ладно, Жучкой такъ Жучкой.

— Поди, Дуня, принеси лукошко да положи въ него сѣнца, продолжала мать; поѣстъ, да и спать захочетъ.

Не успѣла Дуня выйдти въ сѣни, какъ что-то съ шумомъ повалилось...

— Ахъ, какая косолапая, съ неудовольствіемъ замѣтила мать: куда ни пошлешь, вездѣ напроказитъ! Дунька, что ты тамъ дѣлаешь?

— Лукошко достаю, отвѣчала дѣвочка.

— Что ты тамъ повалила?

— Грабли, да вилы... полѣзла за лукошкомъ, да хвостомъ задѣла.

— То-то ты на все бойка, а пуще всего на проказы... и когда въ тебѣ толкъ будетъ?.. безстыдница!

— Она, видно, такой дурой и останется, замѣтилъ отецъ. Какъ! дѣвка выросла большая, а за что ни возьмется, все косо да криво сдѣлаетъ.

Дуня, опустивъ голову, слушала отца, а ребятишки брали другъ у друга изъ рукъ Жучку, цѣловали ее и гладили.

Васейка принесъ съ печки свои старыя онучи и положилъ въ лукошко.

— Ей мягче будетъ на нихъ спать, ска-

залъ онъ, укладывая Жучку и прикрывая ее онучами.

— Поставь лукошко подъ печку, замѣтила мать.

— Какъ бы ее котята не потревожили, сказалъ Ганя; да и пѣтухъ-то такой задора.

— Я и самъ боюсь, прервалъ Васейка; я ужь Жучку люблю какъ душу, буду ее беречь и лелеять; вотъ поставимте лукошко тутъ, подъ лавкой... ей тутъ будетъ тепло.

— Да раскажи же, какъ ты ее добылъ?

— А вотъ какъ, началъ Вася: мы дровъ-то нарубили, да и поѣхали домой. Ѣдемъ тихонько, проѣхали Дубровку, проѣхали Дубки, ужь около самой околицы... вдругъ я слышу пищитъ... да такъ жалостно. Я и кричу: тятенька, а тятенька, кто это тамъ пищитъ? Тятенька Мухортку-то остановилъ, и я за нимъ придержалъ Соловую. Стали мы прислушиваться... ну... слышимъ, все пищитъ: я бросился въ ту сторону, смотрю, у самыхъ-то воротъ, за послѣдней избой, на соломѣ, лежитъ щеночекъ; я скорѣй къ нему... взялъ, да и бѣгу... тятенька, щеночекъ! — знашъ, кричу; вѣдь жаль сердечнаго... хорошо еще, что лежалъ на соломѣ, а то бы замерзъ, безпремѣнно бы замерзъ. А вижу еще капельный!—мнѣ такъ стало его жаль, просто... въ чемъ только жизнь держится... крошка. Я скорѣй его за пазуху, говорю: тятенька, я свезу его домой... жаль бросить.—„Бери, Васеюшка, бери съ Богомъ“, сказалъ отецъ; вотъ я и привезъ его, мама.

— Оно и ладно, отвѣчала Ѳедосья; мнѣ любо, что ты жалостливъ, Вася; — хоть и тварь, а все не камень: грѣшно бы и не жалѣть. Вѣдь тоже и онъ терпѣлъ и холодъ и голодъ; а вотъ какъ выростетъ — и насъ оберегать будетъ. Вѣрная собака — не то, что караульщикъ, — другъ. Иная такая разумная, что только слова не вымолвитъ, а все понимаетъ.

Жучка въ это время спала уже крѣпкимъ сномъ и не воображала себѣ, что ей, выброшенной изъ деревни, судьба приберегла такихъ добрыхъ хозяевъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Друзья дѣтей.

Прошло недѣли три.

Жучка, благодаря попеченіямъ Васи, росла и становилась точно кругленькій, мягкій шарикъ, который такъ и катался по всей избѣ. Шерсть на ней была пушистая и черная какъ смоль, а надъ глазами два желтенькихъ пятнышка.

Она очень подружилась съ Улиткой, бѣлой кошечкой, и забавно было смотрѣть, какъ онѣ вмѣстѣ играли.

Жучка нападала на Улитку, которая приподнявъ правую переднюю лапку, такъ и норовила, какъ бы ей Жучку хлопнуть по мордѣ; и если ей это удавалось, то смѣшно было видѣть, какъ она проворно бросалась или подъ лавку, или подъ печку, куда тотчасъ же отправлялась за нею и Жучка, которая всегда кончала тѣмъ, что выгоняла Улитку опять на средину избы.

Бѣгая другъ за другомъ, онѣ чрезвычайно забавляли Ганьку и Ваньку.

А если бы кто нибудь со стороны на нихъ посмотрѣлъ, то сознался бы, что и ребятишки были столько же забавны, какъ Жучка и Улитка.

Одинъ разъ, Ваня привязалъ къ длинной веревкѣ бумажку и, пихнувъ ее подъ столъ, самъ взлѣзъ на печку, а другой конецъ веревки держалъ въ рукахъ.

Жучка дремала подъ лавкой, а Улитка, развалившись на полу, вытягивалась, расправляла лапки, переворачивалась лѣниво съ боку на бокъ, мурлыкала и помахивала своимъ пушистымъ хвостомъ.

Ваня, притаившись, потянулъ потихоньку свою веревочку, которая незамѣтно подвигалась по полу: бѣлая бумажка, къ ней при-

вязанная, свернутая въ комочекъ, поползла тихо за веревочкой, точно что-то живое.

Улитка, не двигаясь съ мѣста, первая ее замѣтила, тихо приподняла голову, и съ устремленными ушками и бойкимъ взглядомъ, стала глядѣть на бумажку.

Жучку тоже разбудилъ легкій шорохъ бумажки по полу: она проворно вскочила и стала всматриваться.

Ваня пересталъ дергать веревочку, и бумажка остановилась. Жучка припала мордочкой на переднія свои лапки и не сводила съ нея глазъ... Улитка тоже, казалось, не переводила дыханія.

— Дерни, Ваня, сказалъ тихимъ голосомъ Ганя, который смотрѣлъ съ улыбкой на эту комедію.

Ваня дернулъ, Улитка и Жучка бросились обѣ вдругъ и началась пресмѣшная исторія.

И Жучка, и Улитка ловили бумажку, перепрыгивали другъ черезъ друга, тащили ее каждая къ себѣ; а Ваня поднималъ бумажку все выше и выше по печкѣ; тогда онѣ обѣ начинали прыгать и доставать ее передними лапками. Улитка, какъ всегда бываютъ кошки, ловко и легко ее задѣвала, а Жучка, привставъ на заднія лапки, теряла равновѣсіе, переваливалась назадъ и какъ кубарь перевертывалась нѣсколько разъ съ головой и съ ногами.

Тогда Ганя вскочилъ съ своего мѣста, взялъ въ руки бумажку и отнесъ ее снова подъ столъ; а Жучка и Улитка совершенно успокоились, какъ будто о ней и забыли, впрочемъ до той только минуты, когда Ваня вытянулъ ее снова изъ-подъ стола, — и снова началась таже комедія.

Дѣти отъ души хохотали, глядя на нихъ, и, въ длинные зимніе вечера, Улитка и Жучка были истинною забавою для всего семейства Макара.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ морозы были очень сильны.

— Господи! какая стужа, сказалъ Макаръ одинъ разъ вечеромъ, войдя въ избу, ярко освѣщенную лучиной.

Ѳедосья и Аксинья пряли около лучины; Дуня вязала изъ шерсти рукавицы.

Въ избѣ сильно пахло печенымъ ржанымъ хлѣбомъ; около печки бѣгали цѣлыхъ восемь штукъ крошечныхъ поросятъ; а толстая ихъ мать лежала у самаго порога, закрывъ некрасивую морду длинными висячими ушами.

Ганя съ Ваней, сидя на печкѣ, ласково прижимали къ себѣ двухъ ягнятъ, которые жалобно кричали, какъ будто маленькія дѣти.

Возлѣ самой перегородки стоялъ теленокъ, рыженькій, гладенькій и съ предобрыми, темными глазами.

Однимъ словомъ, изба была такъ полна, что едва было гдѣ повернуться; но было тепло, и на всѣхъ лицахъ замѣтно было общее выраженіе спокойствія и даже удовольствія...

— Никакъ, къ ночи-то еще стало морознѣе? спросила Ѳедосья хозяина.

— Да вѣдь завтра Спиридоновъ день, самый поворотъ, то есть: солнце на лѣто, а зима на морозъ, отвѣчалъ мужичекъ. Ничего, слава ти Богу, не замерзнемъ; потѣснимся маленько со скотиною, а тамъ пройдетъ день, другой, и легче будетъ.

— Нынче снѣгу-то гибель, замѣтила Дуня.

— А на тебя кто взглянетъ, сказалъ съ улыбкою отецъ, тотъ не повѣритъ. Оно и точно, будто капли воды въ домѣ нѣтъ — такая ты мазаная.

— Ужь съ ней грѣхъ да и только, продолжала мать; ей бы съ поросятами жить, а не съ людьми; и когда она войдетъ въ разумъ, Богъ ее знаетъ! Никакъ съ печку выросла, а толку мало.

Въ крестьянахъ есть свое воспитаніе: отецъ и мать также безпрестанно думаютъ о томъ, какъ бы дѣти ихъ росли, привыкая къ хорошему и полезному; но у крестьянъ достичь этой цѣли гораздо труднѣе, чѣмъ у насъ.

Каждый хозяинъ и хозяйка въ домѣ такъ

заняты, у нихъ столько дѣла, что имъ невозможно безпрестанно заниматься своими дѣтьми, которыя большею частію бываютъ безъ всякаго надзора и, поэтому самому, такъ трудно отвыкаютъ отъ своихъ дурныхъ привычекъ.

Дунѣ очень было стыдно, когда отецъ и мать бранили ее за неопрятность; но чрезъ минуту она это забывала, что было еще хуже, забывала умыться и являлась опять къ обѣду или ужину — а руки, и лице, какъ у трубочиста.

— А гдѣ Вася? спросилъ хозяинъ.

— Сейчасъ придетъ: онъ побѣжалъ сѣна дать лошадямъ; ему, сердечному, такъ ихъ жаль. По этой стужѣ Мухортка вся заиндевѣла: точно она мохомъ поросла.

— Ужь что и говорить! и лошади, и коровы забьются въ самый уголъ подъ навѣсомъ, прижимаясь другъ къ другу... только тѣмъ и дышатъ. А вѣдь привыкнутъ: ничего... только сначала жмутся, продолжалъ Макаръ. — Ихъ въ избу не втащишь, да и мѣста нѣтъ, и то мы не на просторѣ.

Онъ досталъ съ полки лыки и, усѣвшись на лавкѣ, принялся плесть лапти.

— Эй вы, мелкій народъ! закричалъ онъ на Ваню съ Ганей, которые на печкѣ возились съ своими ягнятами; — что розиня ротъ тамъ сидите! Пора и вамъ учиться помогать— идите-ка сюда.

Не успѣли ребятишки соскочить съ печки, какъ ягнята подняли такой крикъ, что приходилось хоть вонъ бѣжать изъ избы.

— Эдакіе! лежатъ подъ шубой — молчатъ; а вонъ какой подняли крикъ: закрой ихъ кафтаномъ, Ваня, сказала Кузьминишна.

— Нѣтъ, мама, все будутъ кричать: знаешь, они хотятъ около насъ лежать; знаютъ, даромъ что ягнята, знаютъ сейчасъ, что человѣкъ, что шуба, отвѣчалъ Ваня, укрывая ягнятъ, которые не переставали кричать безъ милости, несмотря на всѣ усилія мальчика, старавшагося ихъ тепло укутать.

Ганя подошелъ къ отцу и сталъ смотрѣть со вниманіемъ, какъ онъ ловко и проворно плелъ лапти.

— А скоро ли этому можно выучиться? спросилъ онъ.

— А вотъ увидимъ каковъ ты у насъ смысломъ мальчикъ; иной въ десять дней пойметъ, а другой въ десять мѣсяцевъ.

Ягнята продолжали безъ умолку кричать.

— Поди, Ганя, поди къ нимъ, окаяннымъ, сказалъ Макаръ, — душу вытянутъ, такъ кричатъ.

Ваня и Ганя мигомъ очутились на печкѣ и, прижавъ къ груди ягнятъ, тотчасъ же заставили ихъ успокоиться и замолчать.

Невозможно почти понять тѣсную дружбу крестьянскихъ дѣтей съ домашними животными, ихъ окружающими.

Это непонятно для насъ, городскихъ жителей, которые даже и того понять не можемъ, какъ крестьяне живутъ цѣлые мѣсяцы въ одной тѣсной избенкѣ съ теленкомъ, цѣлою кучею поросятъ, съ ихъ откормленною матерью, съ собаками, съ кошками, съ пѣтухомъ и нѣсколькими курицами, — и живутъ не жалуясь, весело, дружно, изъ чистаго состраданія къ товарищамъ ихъ собственной, не избалованной жизни.

— Погляди, мама, сказалъ Ганя, — какъ онъ на меня смотритъ.

Ганя указывалъ на ягненка, который дѣйствительно не сводилъ съ него глазъ и ласково лизалъ его руки.

— Вишь, сердечный, точно около матки лежитъ, сказала хозяйка съ нѣжностію.

Тутъ вошелъ Вася.

Лишь онъ отворилъ дверь, паръ бѣлымъ столбомъ такъ и наполнилъ избу.

— Запирай двери, запирай, Вася, береги тепло, замѣтила мать.

— Ужь какъ озябъ, сказалъ мальчикъ, прижавъ обѣ руки къ печкѣ — морозъ такъ и трещитъ, насилу свалилъ сѣно, такъ руки-то и коченѣютъ, даже духъ захватываетъ. Ахти! нашъ бѣдный Мартынычъ поѣхалъ вчера въ городъ на базаръ въ эту стужу.

— А Соколка-то тоже за нимъ побѣжала, замѣтилъ съ печки Ваня.

— Ну, Соколка — собака, а не человѣкъ, сказалъ Вася, — что ее жалѣть...

— Да вѣдь Мартынычъ-то въ полушубкѣ, да въ кафтанѣ, прервалъ его Ганя. Нѣтъ, мнѣ Соколки пуще жаль...

— А вонъ они и ѣдутъ ужь домой, поспѣшила сказать Аксюша, заглядывая въ окно.

— Ну, что ты тамъ ночью видишь? спросилъ Вася.

— А погляди-ка самъ, какъ Соколка-то летитъ, да и голосъ-то я ее издали узнаю, замѣтила Дуня, припадая къ окошку; видно, что озябла, слышишь какъ лаетъ?

Жучка будто поняла разговоръ, вскочила на лавку и, увидѣвъ Соколку, подняла сама на всю избу лай.

Всѣ дѣти захохотали.

— Молчи, дурочка, сказалъ ей Вася, благо тепло... что ты лаешь?

— Вѣрно съ радости, что Соколка воротилась, отвѣчалъ хозяинъ, продолжая съ улыбкою плесть свои лапти, — вѣдь и тварь чуетъ, и тварь понимаетъ.

Жучка, устремивъ мордочку въ окошко, приподнималась на заднихъ лапкахъ и живо помахивала хвостомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это Мартынычъ воротился, сказала Ѳедосья, слышите, ворота отпираютъ; вишь, какъ скрипятъ, видно морозъ знатный.

На другой день по утру, не смотря на сильнѣйшій морозъ, всѣ по обыкновенію были за дѣломъ.

Макаръ съ Васей уѣхали на гумно за соломой, Аксинья пошла на рѣчку полоскать бѣлье, Дуню мать заставила парить горшки, сама хозяйка на погребѣ что-то хлопотала; только Ванька съ Ганькой, въ одномъ углу избы, строили изъ щепочекъ какіе-то безтолковые дома, которые разсыпались въ мелкіе дребезги, какъ только Улитка задѣвала ихъ хвостомъ.

Добрый Ганя на колѣняхъ въ кучѣ этихъ злыхъ собакъ (стр. 11).

На улицѣ послышался лай: дѣти не обратили сперва вниманія, но мало по малу лай все прибавлялся и наконецъ ясно было слышно, что нѣсколько собакъ чуть ли не дрались.

— Никакъ собаки грызутся? спросилъ Ваня. Оба мальчика стали прислушиваться.

— Это Соколкинъ голосъ, замѣтилъ Ганя.

Визгъ и лай все прибавлялся; ясно было,

что цѣлая компанія собакъ, въ самыхъ враждебныхъ выраженіяхъ, изъ-за чего-то очень горячились.

— А гдѣ Жучка? сказалъ Ганя.

— Жучка! Жучка! стали кликать оба мальчика.

Жучки въ избѣ не было. Тогда Ваня вскочилъ съ поспѣшностію и, схвативъ на бѣгу, стоящую въ углу у печки, метлу, опрометью бросился на улицу.

Ганька, который сидѣлъ босикомъ, кинулся было къ окошку; но увидѣвъ, что бѣдную Жучку двѣ большія собаки безпощадно трепали, не вытерпѣлъ и бросился къ дверямъ, крича жалобнымъ голосомъ:

— Батюшки! онѣ нашу Жучку грызутъ...

Жучка дѣйствительно визжала ужаснымъ голосомъ.

Ванька съ Ганькой бросились на воюющихъ, Ванька билъ безпощадно Соколку — а Ганя кинулся на другую рыжую собаку, Хамитку, которая, лапой придерживая Жучку, кусала ее, бѣдную, такъ, что она была вся въ крови и шерсть отъ нея летѣла хлопьями.

Добрый Ганя, на колѣняхъ, въ кучѣ этихъ злыхъ собакъ, старался выхватить Жучку. Не чувствуя, что его самаго Хамитка укусила, онъ громко ревѣлъ и кричалъ, главное отъ одной жалости, а вовсе не отъ собственной боли.

Въ эту минуту Макаръ и Вася подъѣхали, соскочили проворно съ саней и, бросившись къ собакамъ, разогнали ихъ кнутомъ.

Бѣдная Жучка не переставала визжать, а Ганя громко плакать. Онъ ее гладилъ и, обливая горькими слезами ея жалкую, искусанную мордочку, не замѣчалъ даже, что у него самаго изъ руки такъ кровь и лила.

— Экія негодныя! сказалъ Макаръ; совсѣмъ заѣли бѣдную Жучку...

— Все это проклятая Соколка, замѣтилъ Ваня; она никакъ и Ганю искусала?

— А вотъ мы ее, постой! отвѣчалъ отецъ; давай, Ваня, сюда метлу!

Онъ съ поспѣшностію вытащилъ нѣсколько прутьевъ.

— Куда ты тятенька? спросилъ Вася.

— Иду Соколку сѣчь, отвѣчалъ отецъ.

— И я съ тобой, сказалъ Вася.

— Вы ужь и рыжую-то хорошенько; эта Хамитка презлющая, сказалъ Ваня и побѣжалъ въ калитку домой.

Когда онъ вошелъ въ избу, то увидѣлъ, что мать перемывъ укушенную руку Гани, завязала ее кое какъ тряпочкой, и тутъ же принялась за Жучку, которая, какъ будто понимая ея попеченія, лизала ея руки.

— Вишь, какъ искусала, сказала Кузьминишна, обливая холодною водою укушенныя мѣста.

— А что, Ганя, тебѣ больно что ли? спросилъ брата Ваня.

— Нѣтъ, ничего; я больше испужался за Жучку; я думалъ, что онѣ ее до смерти загрызутъ.

— Что, глупенькая, продолжалъ Ваня, лаская Жучку, отдохнула что ли? А вчера-то лай подняла, какъ увидѣла Соколку.— Что, братъ, не чуяла, что отъ нея тебѣ такая таска достанется?

Жучка, притаившись на колѣняхъ у хозяйки, лежала смирнехонько, ни гу-гу.

Вошелъ хозяинъ съ Васей.

— Ужь и Соколкѣ досталось, сказалъ Вася, да и Хамиткѣ тоже: небось, будутъ помнить.

— Что, вы больно ихъ высѣкли? — спросилъ Ганя.

— Впередъ не сунутся. Тятенька прошелъ на дворъ къ Аѳонасію Петрову, да велѣлъ мнѣ позвать кого нибудь изъ избы. Вышелъ Кузьма Аѳонасьевичъ; онъ ему говоритъ: у васъ Соколка не собака — а дрянь: кинулась на нашу Жучку, да чуть-чуть и не загрызла. Я пришелъ ее проучить, чтобъ и впередъ этой повадки она не брала. — А Соколка-то точно разумѣетъ, поджала хвостъ, да и ушла подъ навѣсъ.— Нѣтъ, братъ, Соколка, говоритъ тятенька, тебѣ розогъ не миновать. А Кузьма-то Аѳонасьичъ

*

отвѣчаетъ: „и дѣльно, дядюшка, дѣльно. Соколка, поди-ка сюда.“ Соколка струсила, такъ на брюхѣ чуть ползетъ. Тогда тятенька нагнулся, да взялъ ее за уши, да розгами-то, разъ, два, три: она визжитъ, а онъ еще, да еще; ну, такъ высѣкли, что небось — долго не забудетъ.

Ваня съ Ганей захохотали.

— За то впередъ Жучку не тронетъ, сказалъ Ваня. — Ну, а Хамиткѣ тоже попало?

— И Хамитку знатно высѣкли. Пришли къ Мартынычу на дворъ, она было на насъ, а тятенька ее сейчасъ за уши, да все приговаривалъ: „вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, чтобы ты впередъ знала, негодная, и не трогала бы Жучку.“

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пастухъ.

Время бѣжало.

Прошелъ февраль мѣсяцъ, насталъ мартъ; солнце стало свѣтлѣе и теплѣе, началъ снѣгъ таять, ручьи воды побѣжали съ горъ; зима съ каждымъ днемъ помаленьку исчезала и милая, желанная весна, тихо начала развиваться во всей природѣ. Зиму нельзя не любить, а весну вдвое.

Сперва зазеленѣли озими, потомъ и травка стала показываться, запѣли птички, радостно перепархивая между кустовъ, и воздухъ былъ теплый и ароматный.

Какое веселье, для ребятишекъ, въ деревнѣ! Полно сидѣть по избамъ: они съ утра до ночи были на улицѣ, кучками собирались бѣгать и играть вмѣстѣ, а часто даже едва къ ночи можно было ихъ загнать домой.

Весна открылась самая благодатная для крестьянъ, съ теплыми дождями и прекрасною погодою. Ужь въ началѣ апрѣля, снѣгъ только лежалъ на низкихъ мѣстахъ и въ оврагахъ; впрочемъ вся почти земля была покрыта травой, и около деревьевъ и кустовъ замѣтенъ былъ какой-то легкій оттѣнокъ будущей зелени.

— Макаръ! спросила Ѳедосья хозяина, который, сидя въ избѣ у окна, чинилъ хомутъ, что, правду ли говоритъ Горбачиха, что староста велитъ Васѣ пасти крестьянское стадо?

— Правда, отвѣчалъ Макаръ; а кому же знать, какъ не Горбачихѣ: она старостѣ кума.

— Да какъ же мы-то дома безъ него будемъ?

— А такъ, сказалъ смѣючись хозяинъ. Что дѣло, то дѣло, и обиды нѣтъ: каждому свой чередъ. Кой-какъ справимся — у насъ Ваня съ Ганей будутъ помогать.

— Гречневые блины ѣсть, замѣтила хозяйка. Они еще что за работники? на все глупы... а кромѣ что поѣсть, да что попить.

— Анъ нѣтъ, отвѣчалъ Макаръ, смотри, какъ нынѣче разумѣть стали: вчера говорю: ребята, катай на гумно за соломой; правда, что Мартынычъ помогъ навалить да обвязать, а ничего, привезли цѣлый возъ...

— А когда погонятъ стадо? спросила Кузьминишна.

— Никакъ, въ конторѣ говорили, отвѣчалъ хозяинъ, что завтра батюшка пріѣдетъ молебенъ служить, а тамъ съ Богомъ и на подножный кормъ.

— Да что бѣдная скотина тамъ ѣсть-то будетъ? земля почти что голая.

— Ну, походитъ, погуляетъ, а домой придетъ, все по клочку сѣнца сунемъ... не безъ того.

— Ну, а Васѣ ты сказывалъ?

— Не сказывалъ: онъ самъ знаетъ.

— А чтожь я ничего не слыхала?

— Да вѣдь и тебѣ Горбачиха говорила?

— Эхъ, хозяинъ! что ты все мнѣ напротивъ! Я отъ тебя, да и отъ Васи ни слова не слыхала.

— Эко диво! еще скотина вся дома; ну, и Васейка покуда не пастухъ: чего тутъ знать.

Хозяйка замолчала, а ей жаль было, что Васю нарядили въ пастухи; онъ былъ такой

проворный мальчикъ, такъ умѣлъ ей во всемъ помочь и угодить.

На другой день, почти на зарѣ, она все для него собрала.

Положила въ котомку, плетеную изъ лыкъ, ломоть ржанаго хлѣба, и тутъ же приготовила все, что нужно, чтобы плесть лапти: кочедыкъ, т. е. тупое шило, колодку и большой пучекъ лыкъ.

Когда Ванька съ Ганькой прибѣжали сказать, что батюшка пріѣхалъ, Вася проворно одѣлся, сверхъ полушубка надѣлъ суконный кафтанъ, опоясался кушакомъ, къ которому привязалъ лыки, а за плечи надѣлъ котомку съ хлѣбомъ. Аксютка ему сунула бурачекъ съ молокомъ, который онъ взялъ въ руки и вышелъ на улицу.

Стадо выходило со скотнаго двора.

Крестьяне выгоняли своихъ коровъ, овецъ и лошадей. Въ срединѣ деревни, на приготовленномъ столѣ, накрытомъ бѣлою скатертью, священникъ раскладывалъ крестъ и св. Евангеліе. Тутъ же стояла большая деревянная чашка съ водой, потому что молебенъ долженъ былъ быть съ водоосвященіемъ.

По правую и по лѣвую стороны стояли крестьяне и держали на рукахъ иконы и хоругви.

Вся деревня собралась присутствовать при молебнѣ: старый и малый всѣ высыпали на улицу, такъ что сдѣлалось тѣсно отъ множества народа.

Стадо было собрано поодаль; Вася, понимая, что оно уже отдано ему на руки, стоялъ возлѣ самаго священника и молился съ большимъ усердіемъ; онъ крестился и кланялся, приговаривая вмѣстѣ съ дьячками:

— Господи помилуй!

Эти слова были не только на его губахъ,— но онъ ихъ произносилъ всѣмъ сердцемъ, всею душою.

По окончаніи молебна, отставили столикъ въ сторону и погнали стадо, мимо иконъ, въ поле; священникъ его окропилъ святою водою. Вася оглядывался, и видно было, что онъ кого-то искалъ.

— Что ты, голубчикъ, спросила мать, не забылъ ли чего?

— Нѣтъ, мама, я ищу Жучку; куда она пропала?

— Да вѣрно съ ребятами. Возьмешь ты ее съ собой, что ли?

— Вѣстимо, возьму.

— И ладно! пріучишь пасти стадо, такъ самому легче будетъ. Ты одинъ, что ли, пасти будешь?

— Нѣтъ, вонъ Сенька идетъ!

— Ну, вдвоемъ не соскучитесь.

— Вася, закричалъ Ганя, Жучка сидитъ вонъ у самыхъ воротъ: словно знаетъ и дожидается, чтобы ты ее кликнулъ.

— Прощай, мама, сказалъ Вася.

— Прощай, родимый, отвѣчала мать.

Вася, проходя мимо своихъ воротъ, свистнулъ Жучку, и она стремглавъ бросилась за нимъ, догоняя стадо, которое, чуя, что выходитъ въ поле, бѣжало и играло, такъ что Вася и самъ почти бѣгомъ спѣшилъ за нимъ.

Въ лугахъ онъ остановился, выбравъ удобное мѣсто для скотины, а самъ поспѣшилъ снять кафтанъ, раскинулъ его на травѣ и сѣлъ.

Ему становилось жарко; солнце поднялось выше и уже такъ обогрѣло воздухъ, что можно было забыть, что на дворѣ былъ еще только апрѣль мѣсяцъ. Жучка у ногъ его ласкалась и помахивала хвостомъ; она чуяла, что у него въ котомкѣ былъ хлѣбъ и потому еще нѣжнѣе обыкновеннаго глядѣла ему прямо въ глаза.

— Сеня! закричалъ мальчикъ товарищу, который загонялъ отсталыхъ телицъ и хлопалъ около ихъ по землѣ предлиннымъ кнутомъ.

— Ась, отвѣчалъ Сеня.

— Иди ко мнѣ!

— Иду и такъ.

— Хочешь поѣсть?

— Бабушка меня дома накормила.

— Ну, а молока хочешь?

— Не видалъ я твоего молока! Я сытъ безъ того.

Вася тогда позавтракалъ самъ и досыта накормилъ Жучку.

Сенька былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, его звали въ деревнѣ: *Бѣлоголовый*, и дѣйствительно у него волосы были точно ленъ, да къ тому же онъ ихъ почти никогда не расчесывалъ: только его бабушка иногда поплюетъ на ладони, да пригладитъ — вотъ и все.

Онъ былъ мальчикъ далеко не умный и не способный, говорилъ грубымъ голосомъ, ходилъ вяло, рубашка на немъ была всегда изорванная, кафтанъ тоже, да и полушубокъ весь былъ въ большихъ заплатахъ и дырахъ.

Перекинувъ длинный кнутъ чрезъ плечо на спину, такъ что онъ далеко волочился по полю, онъ кряхтѣлъ, какъ будто несъ огромную тяжесть, и, приближаясь къ Васѣ, ворчалъ въ полголоса:

— Ужь эта мнѣ Субботка, все лѣзетъ въ кусты, а староста не велитъ пускать.

— Ты ее пугни хорошенько, сказалъ Вася.

Дѣйствительно въ эту минуту пестрая корова, которую звали Субботкой, начала прыгать, играть очень неловко, бѣгая въ круги, и скачками своими могла разсмѣшить самого Несмѣяна Царевича, и потомъ галопомъ поскакала въ кусты.

— Вотъ я ее, сказалъ Вася; вскочивъ на ноги и свиснувъ Жучку, онъ бѣгомъ пустился за ней. Жучка точно понимала Васю, лаяла изъ всей силы и, обогнавъ корову, заставила ее поворотить къ стаду; тогда Вася ловко прихлопнулъ ей вслѣдъ.

А Сеня, почесывая затылокъ, глядѣлъ на нее приговаривая:

— Опять уйдетъ, вотъ посмотри, уйдетъ!

— А мы опять хлопнемъ, да, пожалуй, и по спинѣ задѣнемъ, вотъ и будетъ помнить, продолжалъ Вася.

Сенька присѣлъ къ Васѣ, который послѣ этого принялся за лапти.

— Ты думаешь, я за тебя буду пасти, сказалъ Сенька грубымъ голосомъ, вишь что выдумалъ!

— Выдумалъ-то ты, а не я, отвѣчалъ кротко Вася, я и думать не думалъ.

— Что же ты сюда пришелъ лапти плесть, что-ли? тебѣ велятъ стадо пасти, а ты что дѣлаешь? вотъ ужо старостѣ скажу.

— Эхъ, братъ, Сенька; что по пустому ворчишь! Ахти, никакъ Пестравка съ Буренкой бодаются, продолжалъ мальчикъ бросивъ работу, онъ съ кнутомъ кинулся въ ту сторону — и Жучка за нимъ.

Лѣнивый Сенька сидѣлъ неподвижно и, зѣвая на всѣ стороны, хлопалъ глупыми глазами, а Вася съ усердіемъ разгонялъ коровъ, приговаривая:

— Что вы взбѣленились?.. ужо я васъ! и, прищелкивая кнутомъ, опять загонялъ ихъ въ стадо.

Жучка съ этого же перваго дня стала ему помогать и, какъ разумная тварь, сейчасъ поняла свою обязанность.

Вася опять воротился на свое мѣсто и, сбросивъ съ плечъ полушубокъ, принялся за лапти; поглядывая издали на коровъ, онъ припѣвалъ веселымъ голосомъ одну изъ его любимыхъ пѣсенъ, а Сенька между тѣмъ, припавъ тутъ же на лугу, спалъ крѣпкимъ сномъ.

Надо замѣтить, что лѣнивые люди всегда больше устаютъ, чѣмъ тѣ, которые отъ дѣла и безпрестанныхъ трудовъ могли бы дѣйствительно устать.

Вася почти не замѣчалъ самъ, какъ скоро проходило время. Длинный весенній день былъ уже къ концу, какъ, взглянувъ на небо, онъ замѣтилъ, что солнце почти было на закатѣ.

— Никакъ, я пары моихъ лаптей не доплету? подумалъ онъ самъ себѣ, и съ большимъ усердіемъ противъ прежняго принялся кончать второй лапоть.

Работа видимо подвигалась къ концу, а Сенька зѣвалъ и валялся: то на брюхо ля-

жетъ, то растянется на боку, то поворотится на спину, вытягивая руки и ноги.

— Да скоро-ль этотъ день пройдетъ? Какъ на грѣхъ, еще и не спится, сказалъ онъ наконецъ громко.

— Чего, братъ Сеня, ты и такъ полдня спалъ — пожалуй, что всю ночь прокалабродишь. Поди-ка лучше, забирай все стадо, да гони домой.

— Самъ поди, отвѣчалъ грубо Сенька.

— Я и такъ иду, сказалъ Вася, укладывая въ котомку остатки лыкъ. Онъ новые лапти привязалъ къ поясу, а сверхъ котомки, чрезъ плечо, перекинулъ суконный кафтанъ и, покрикивая весело на скотину, погналъ ее къ деревнѣ.

У околицы сидѣла цѣлая куча ребятишекъ, ожидая стада.

Ванька и Ганька выбѣжали впередъ всѣхъ, чтобы встрѣтить брата и Жучку.

Жучка, увидя ихъ издали, какъ стрѣла полетѣла къ нимъ, и нельзя было видѣть безъ удовольствія ея и дѣтской радости.

Она визжала, прижимаясь къ нимъ, прыгала, лизала руки и даже рожицамъ и носамъ доставалось, когда мальчики къ ней наклонялись.

Не успѣло стадо войдти въ ворота и потянуться по улицѣ въ самой деревнѣ, какъ всѣ ребятишки въ разсыпную бросились загонять каждый свою скотину.

Вася проворно вошелъ въ избу, гдѣ добрая его мать приготовила ему поужинать.

— Ну, какъ, Васеюшка, хорошо ли паслось?

— Ничто, хорошо, отвѣчалъ мальчикъ; маленько скучно съ непривычки, да и то нужды нѣтъ; денекъ, другой и обойдется.

— Ну, а что Сенька?

— Оно ничего, а съ нимъ пива не сваришь, отвѣчалъ шутя мальчикъ. Такой, Богъ съ нимъ, все ворчитъ, да грубитъ, точно я его задѣваю!

— А я думала, вы рядочкомъ сидите, да другъ другу сказки сказываете; а вышло не такъ.

— Куда тебѣ, мама: ни за что, ни про что... такъ себѣ, все какъ собака лаетъ! Хорошо еще, что полдня онъ проспалъ, такъ тихо было; а то просто... хоть святыхъ вынеси, такъ все бранится.

— Экая оказія, продолжала мать, покачивая головой. Вотъ, Вася, что значитъ, что у него отца родимаго нѣтъ: некому и пожурить. Горбачиха, его бабушка-то, даромъ что старостина кума, а совсѣмъ парня избаловала. И что изъ него выйдетъ? А ты, Вася, его не подзадоривай. Христосъ съ нимъ!

— Да мнѣ и дѣла нѣтъ. Мы все съ Жучкой, и пасемъ, и поѣдимъ, и молока похлебаемъ. Оно, не то, чтобы... просто собака, а все разумѣетъ, такъ прямо въ глаза и смотритъ, словно проситъ съ жалостію. Ужь эта мнѣ Жучка; не даромъ зимою-то я ее, бѣдную, за пазухой отогрѣлъ.

— Я-жь тебѣ тогда говорила, что вѣрная собака кладъ, а вотъ теперь покуда и пасти стадо съ нею будетъ веселѣе.

— Ты видѣла, мама, я принесъ пару новыхъ лаптей? спросилъ Вася.

— Видѣла, голубчикъ, спасибо.

Покуда они еще разговаривали, Ванька съ Ганькой пришли спать и, помолившись Богу, полѣзли на полати.

Хотя Васю тоже клонилъ сонъ, но онъ сперва все прибралъ въ избѣ какъ должно, помогъ матери натаскать для другаго дня дровъ, вмѣстѣ съ нею наложилъ ихъ въ печь, послѣ ужина посуду вынесъ въ сѣни, вымылъ вѣничкомъ избу, и тогда только, пославъ на скамьѣ войлокъ, подъ голову положилъ подушку въ набойчатой наволокѣ, помолился Богу и, закрывшись кафтаномъ, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На другой день рано утромъ, еще до восхода солнца, Васю разбудила мать, и онъ, какъ и наканунѣ, погналъ стадо въ поле.

— Только ты съ Сенькой не ссорься,

сказала ему Кузьминишна, провожая его за ворота.

— Кто мнѣ велитъ ссориться! отвѣчалъ благоразумный мальчикъ. Коли онъ грубіянъ... ну, Богъ съ нимъ. Мнѣ, спасибо, Жучка стосковаться не дастъ. Вишь, мама, какъ она весело летитъ, словно птица, продолжалъ онъ, указывая на Жучку, которая дѣйствительно такъ и носилась за голубями, воображая, что она ихъ можетъ изловить въ то время, когда они сидятъ кучками около лужицы и пьютъ дождевую воду.

Погода была пасмурная и не успѣло стадо дойти до луговъ, какъ пошелъ сильный дождь.

Вася вырубилъ въ кустахъ три кола, поставилъ ихъ въ козлы, накрылъ своимъ кафтаномъ: шалаша вышелъ хоть куда.

— Сенька, а Сенька, ступай въ шалашъ: видишь, какой дождь поретъ, сказалъ Вася.

— А по мнѣ пусть его поретъ, отвѣчалъ Сенька своимъ грубымъ голосомъ.

— Да полушубокъ твой весь промокнетъ.

— Пусть его промокнетъ.

— Да вѣдь и ты промокнешь до костей.

— А тебѣ какое дѣло? промокну я — не ты.

— Экой ты, братъ, несговорчивый, подумаешь, я тебя хочу дразнить. Сиди пожалуй на дождѣ, по мнѣ все равно. Еще здѣсь Жучкѣ мѣсто будетъ.

Съ этими словами онъ свиснулъ Жучку, которая тотчасъ же прибѣжала и улеглась возлѣ него, положивъ голову къ нему на колѣни; а Вася вынулъ изъ котомки колодку, кочедыкъ, отвязалъ отъ пояса лыки и принялся за работу, припѣвая во весь голосъ.

Грубый и упрямый Сенька былъ причиной, что Вася все больше и больше дружился съ Жучкой. Если бы напротивъ Сенька былъ мальчикъ ласковый и добрый, то Вася непремѣнно и самъ искалъ бы его дружбы.

Жучка слушалась своего хозяина и понимала каждое его слово; но надо сказать и то, что и Вася все дѣлилъ съ нею пополамъ.

Пастухъ, обыкновенно, кромѣ чернаго хлѣба и воды ничего съ собою не беретъ; развѣ только иногда случится прихватить въ бурачкѣ молока, но и этотъ нероскошный обѣдъ Вася дѣлилъ съ Жучкою; иногда даже ему самому ѣсть хотѣлось, но и тутъ онъ ей отдавалъ ея долю, приговаривая:

— Она собака... не разумѣетъ, что кого любишь, тому надо уступить. Я всегда радъ, какъ знаю, что она не голодна.

За то Жучка съ каждымъ днемъ лучше понимала, что значитъ хорошо пасти стадо.

Достаточно было Васѣ только крикнуть, указывая въ ту сторону, въ которую разбрелись коровы, чтобы она тотчасъ же туда кидалась, и съ лаемъ и визгомъ загоняла всѣхъ къ мѣсту.

Вася дѣйствительно видѣлъ въ Жучкѣ своего товарища и друга. И теперь, сидя въ шалашѣ, укрытомъ Васинымъ кафтаномъ, Жучка глядѣла ему прямо въ глаза и какъ будто слушала его пѣсню.

— Чего ты хочешь? спросилъ ее Вася, ты что-то умильно больно глядишь.

Жучка, помахивая хвостомъ, головой прижималась къ его колѣнямъ.

— Ужь не дать ли тебѣ корочку хлѣба? продолжалъ мальчикъ, открывая свою плетеную котомку.

Жучка вскочила и прыгнула передними лапами къ нему на грудь.

— Пошла, дура, ты меня повалишь; да чуть ли и шалашъ устоитъ, прибавилъ со смѣхомъ Вася.

Онъ вынулъ кусокъ хлѣба и, погрозивъ на Жучку, сказалъ строгимъ голосомъ:

— Служить.

Послушная собака тотчасъ же присѣла на заднія лапки и, прижавъ переднія, съ повиновеніемъ ожидала, когда ей хозяинъ дастъ хлѣба.

Вася не долго ее мучилъ и тутъ же отдалъ корочку, которую Жучка принялась съ большимъ вкусомъ ѣсть у его ногъ.

Почти весь день шелъ дождь безостано-

вочно: вечеромъ Васинъ кафтанъ едва было можно съ кольевъ стащить, такъ онъ напитался дождевою водою.

Собираясь домой, Вася связалъ его кушакомъ и перевалилъ чрезъ плечо. Погода разъяснилась, только было очень грязно. Жалѣя своихъ онучь и лаптей, онъ разулся, засучилъ нижнее свое платье до колѣнъ и, хлопнувъ длиннымъ хлыстомъ, погналъ стадо домой. Его полушубокъ былъ впрочемъ почти сухъ.

Сенька, напротивъ того, дрожалъ отъ холода, вода такъ и струилась по его длиннымъ, бѣлымъ волосамъ, по лицу и по изорванному кафтану.

Онъ шелъ въ лаптяхъ, вязнулъ въ грязи, пришелъ въ деревню и лице его было такое, какъ будто кто нибудь нарочно выпачкалъ его грязью.

Увидя обоихъ мальчиковъ, то есть Васю и Сеню, нельзя было себѣ представить, что оба были вмѣстѣ пастухами. И все только отъ того, что одинъ былъ опрятнѣе и смѣтливѣе другаго, а оба были мужики.

Этимъ я хочу доказать, что и въ крестьянахъ есть дѣти съ лучшимъ поведеніемъ и съ лучшими способностями, и что *хорошее* и *дурное* всѣ люди различаютъ, къ какому классу они бы ни принадлежали; только повторю еще разъ: мужикамъ гораздо труднѣе воспитывать дѣтей, чѣмъ намъ, потому что они не имѣютъ времени исключительно ими заниматься. По этому мы съ большимъ снисхожденіемъ должны прощать деревенскимъ мальчикамъ, какъ Сенькѣ, и съ большею любовію глядѣть на доброе, кроткое созданіе, каковъ былъ Вася.

Надо только подумать, сколько трудятся съ нашими дѣтьми отцы, матери, няни, воспитательницы, учителя и наставники!.. Что же удивительнаго, что имъ дурное и въ голову не приходитъ; а бѣдный, грубый Сенька, отъ того только вымокъ и продрогъ, что не было добраго человѣка, который бы ему сказалъ: что ты, Сеня, дѣлаешь? и хорошо ли это? Тебя Вася звалъ въ шалашъ, а ты ему еще нагрубилъ. Это не дѣльно, грубыхъ дѣтей люди не любятъ, да и Богъ наказываетъ. Посмотри на себя: ты весь продрогъ и вымокъ, только отъ того, что Васи не послушался. Кому же вышло худо?

Эти слова — вѣрно образумили бы мальчика и впередъ онъ былъ бы умнѣе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Богомолье.

Прошло еще два мѣсяца, погода становилась очень жаркая; Вася продолжалъ по прежнему пасти стадо.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ стали поговаривать крестьянскія бабы о томъ, кто пойдетъ въ Казань на богомолье, а именно: на встрѣчу образа Смоленской Божіей Матери, который приносятъ каждый годъ изъ Семиозерной пустыни 26 іюня.

Не только въ городѣ Казани и во всей Казанской губерніи, но даже во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ, все народонаселеніе питаетъ какую-то особенную любовь къ этому чудотворному образу, который два раза оградилъ и спасъ отъ заразы городъ Казань, въ 1654 и 1771 годахъ.

— А что, тятенька, спросилъ одинъ разъ Вася отца, отпустишь ты меня на встрѣчу образа?

— Почему и не отпустить? отвѣчалъ Макаръ; только бы знать, что староста скажетъ.

— Горбачиха у него спрашивала, такъ и онъ говоритъ: Богу молиться, отчего дискать не отпустить!

— Оно и правда: вишь, время какое тяжелое... все наборы... да и война-то, прости Господи, богоотступная: церкви Божіи раззоряютъ, беззащитные города жгутъ, и хоть бы ужь отъ турокъ такія дѣла нечестивыя видѣть, все бы не такъ тошно, а то слышно, все это французы да англичане,

народъ, кажется, все заморскій, ученый, а говорятъ, лѣзутъ на насъ со всѣхъ сторонъ...

— Бѣда наша, сказала Кузьминишна, покачивая головой. И покойнаго-то батюшку нашего царя, Николая Павловича, видно кручина сгубила. Какъ постомъ прочиталъ священникъ въ церкви, что не стало его, нашего яснаго сокола, я даже испужалася... спаси Господи!

— Время-то дѣйствительно такое тяжелое!

— А кто же у насъ на Руси теперь Царемъ? спросилъ Вася.

— А сынъ его, Государь Александръ Николаевичъ. Онъ еще передъ кончиной ему царство сдалъ, какъ ужь болѣзнь-то стала больно одолѣвать. Вишь, говорятъ, въ газетахъ пишутъ, что отецъ-то родной все крѣпился чрезъ силу, все ѣздилъ войска осматривать. Его тутъ-то холодомъ, говорятъ, и прохватило, и слегъ ужь совсѣмъ... да и не вставалъ... видно, на то была воля Божія!

Кузьминишна и Аксюша покачивали головой съ горестію, но никто не говорилъ ни слова. Макаръ самъ задумчиво опустилъ глаза, съ глубокимъ сокрушеніемъ души.

— Тятенька, спросила Аксюша, да на что же они раззоряютъ церкви Божіи и жгутъ города: развѣ они разбойники?

— То-то, Аксюта, что не разбойники! Оно и хуже: разбойникъ грабитъ за тѣмъ, что у него ни кола, ни двора, часто и хлѣба куска насущнаго нѣтъ; а у нихъ и земли-то, сказываютъ, пребогатѣйшія, и зимы-то почти что вовсе не бываетъ; а такъ видно, просто, чтобы чужимъ добромъ поживиться... и лѣзутъ.

— Чтожь, тятенька, развѣ ихъ нельзя али одолѣть, али прогнать? спросилъ Вася: вѣдь и у насъ, благодаря Бога, народъ неподдастся, за себя да за свое постоитъ, да и солдаты есть.

— Съ помощію Божіею, Вася, и одолѣемъ; да говорятъ-то, что ихъ несмѣтное число. Вразуми только Господи батюшку Царя, а вѣдь ужь не даромъ все рекрутскій наборъ за наборомъ; надо оградить кругомъ... надо кругомъ защитить.

Этими словами ихъ разговоръ кончился.

Не прошло недѣли двѣ, и съ вечера, наканунѣ воскресенья, 21 числа іюня, Ѳедосья сказала Васѣ:

— Ложись скорѣй спать; завтра до зари наши богомольцы пойдутъ въ Казань.

— А кто да кто идетъ? спросилъ мальчикъ.

— Идетъ Горбачиха, да съ нею старостина дочь Соломонида, ея крестница, да еще идутъ старушка Евлампіевна, да Ѳекла Андревна, да Сергѣичъ, нашъ церковный староста, да никакъ Тимоша, да наша Аксюша.

— Сестра? спросилъ Вася.

— Да, сестра, отвѣчала мать; ты чего дивишься?

— Я не дивлюсь, а такъ спросилъ.

— Она обѣщалась идти еще прошлаго года, какъ отецъ былъ боленъ, да, вишь, въ ту пору сама была нездорова лихоманкой, такъ ужь вонъ нынче собралась.

— Оно и ладно, завтра по холодку легонько пойдемъ, сказалъ веселымъ голосомъ Вася. Ну, прощай, мама, продолжалъ онъ, развернувъ на лавкѣ свой войлокъ; потомъ помолился Богу, прилегъ и тутъ же заснулъ.

На другой день, въ третьемъ часу утра, богомольцы всѣ стали собираться подъ окномъ избы Макара, которая была угловая.

— Дуня, сказалъ Вася сестрѣ, запри въ чуланъ Жучку; она отъ меня не отстанетъ, а куда намъ съ ней?

Жучка, видя общіе сборы, визжала и суетилась, прижимаясь къ ногамъ Васи; она будто понимала и чувствовала, что онъ уходитъ.

— Отведи ее въ клѣть, отвѣчала Дуня; она со мной не пойдетъ; запри на запоръ.

Вася поспѣшилъ это исполнить, но Жучка стала выть во весь голосъ.

— Что ты съ ней сдѣлаешь? сказалъ огорченный мальчикъ; ну, куда я ее возьму? а воетъ такъ, что просто тошнехонько слушать.

— Оставь ее, сказала ему мать, перестанетъ. Возьми, Вася, котомку, да и палку не забудь, что вчера въ лугахъ вырубилъ.

Утро было чудесное, свѣтлое, ясное, какъ день: солнце еще не показывалось, но на востокѣ яркая красная полоса предсказывала скорое его появленіе.

Такъ было тихо, что вѣтерокъ даже не шевелилъ листьями; въ деревнѣ всѣ еще спали и богомольцы первые вышли на улицу.

Собираясь въ дорогу на 157 верстъ, они единственно запаслись черными сухарями, т. е. высушеннымъ ржанымъ хлѣбомъ.

Наши русскіе крестьяне вообще чрезвычайно неприхотливы на ѣду, но въ этомъ случаѣ надо сказать и то, что они сочли бы грѣхомъ лакомо ѣсть тогда, когда идутъ молиться; и каждый изъ нихъ, исполняя съ усердіемъ это богомолье, находитъ, что въ этомъ случаѣ хорошо попоститься, довольствуясь черными сухарями и чистою водою, которую всегда найдутъ на дорогѣ.

Какъ не мало образованы наши мужички, но надо сознаться, что этими чувствами и убѣжденіями они чуть ли не выше насъ въ своей искренней простотѣ... Я сама слышала, какъ одинъ разъ старушка говорила именно объ этомъ богомольѣ:

„Наѣшься-ка поплотнѣе, такъ и ноги не потащутъ, да и молитва-то на умъ не пойдетъ, и на образъ Матери Небесной взглянуть будетъ совѣстно. Чтобъ поѣсть, да попить, на то праздники Богъ далъ.“

— Ты думаешь, что Богу пріятно, когда мы въ праздники объѣдаемся? спросила я шутя.

— Ну, матушка, объѣдаться всегда дурно, а почему же и не поѣсть и не попить? только все въ мѣру. Самъ Спаситель въ Канѣ Галилейской воду претворилъ въ вино: такъ видно, его безъ грѣха пить можно, да немного.

Старушка была права, и въ своей простотѣ прочитала мнѣ преправоучительный урокъ, который я вѣрно никогда не забуду.

У каждаго изъ богомольцевъ за спиною была котомка съ сухарями, запасною рубашкой на случай дождя, съ кафтаномъ, свернутымъ и завязаннымъ плотно, а еще у женщинъ были *насоушники*, т. е. рукава, пришитые къ спинкѣ, которые надѣваются въ случаѣ холода.

Погода была такая теплая, что женщины пошли въ однихъ сарафанахъ и крестьяне въ рубашкахъ.

Аксинья, въ старомъ китайчатомъ синемъ сарафанѣ, который отъ частаго мытья и солнца превратился въ голубой, въ повязанномъ на головѣ красномъ платкѣ, не смотря на загаръ лица и рукъ, очень была красива. Она упиралась на палку, которую ей уступилъ Вася; котомка и кафтанъ дополняли ее нероскошный, но живописный нарядъ. Рядомъ съ нею шла Горбачиха, худощавая, беззубая старушка, но веселая и ужасная болтунья; она такъ же шла съ палкой, приговаривая шутя:

— Ахти, я что-то нынче иду хуже прежняго, видно старость не радость! а что я еще за старуха? намѣднись на свадьбѣ плясала лучше всѣхъ молодыхъ.

— Гдѣ намъ, бабушка, съ тобою ровняться? отвѣчала ей Соломонида, здоровая и свѣжая дѣвушка лѣтъ семнадцати; а вотъ какъ устанешь, такъ прикажи, я на плечахъ тебя легонько донесу.

— Видишь, выдумала, сказала со смѣхомъ старушка.

— А что, бабушка, не вѣришь? такъ спроси Ѳеклу Андревну, отвѣчала Соломонида.

Ѳекла Андревна была премаленькая старушка; она Васѣ была ровно по плечо.

— Дѣйствительно правда, отвѣчала Ѳекла Андревна; намѣднись въ банѣ эта грѣховодница меня вонъ, какъ малаго ребенка, съ полка на рукахъ въ передбанникъ вынесла, да еще говоритъ, ну, тетушка, и нести-то нечего, всякой снопъ тебя тяжелѣе.

— Да и то сказать, замѣтила Горбачиха, какой въ тебѣ вѣсъ, тетушка?

*

— У меня и на тебя, бабушка, силы станетъ, продолжала Соломонида, вотъ погляди-ка...

Съ этимъ словомъ Соломонида обратилась къ Аксиньѣ, и прежде чѣмъ та могла опомниться, схватила ее на руки, перебросила чрезъ плечо и со смѣхомъ побѣжала по дорогѣ нѣсколько саженъ, не смотря на крикъ Аксиньи и на общій смѣхъ богомольцевъ.

— Ай да дѣвка, сказалъ Сергѣичъ, староста церковный; хоть въ солдаты, и то годится.

И точно, Соломонида носила на рукахъ здоровую и большую Аксинью какъ перо. Та, впрочемъ, вырвалась отъ нея со смѣхомъ, и закричала Васѣ:

— Вася, голубчикъ, я твою палку обронила, поди, подыми.

Вася воротился назадъ и искалъ по дорогѣ потерянную палку, какъ вдругъ увидѣлъ вдали пыль.

— Ктожь это насъ догоняетъ? подумалъ онъ; ни какъ никто изъ деревни за нами не собирался.

Пыль все подвигалась, а наконецъ онъ ясно увидѣлъ, что ихъ догоняла Жучка: она какъ стрѣла летѣла по ихъ слѣдамъ.

— Ахъ, ты эдакой пострѣлъ, сказалъ Вася, всплеснувъ руками; и кто же ее выпустилъ? вишь, летитъ... экая дурочка... вѣрно вырвалась!..

Жучка себя не помнила отъ радости, когда, догнавъ Васю, бросилась съ визгомъ къ его ногамъ, повертывалась на спину, и задѣвая его лапками, лизала его руки.

Вася самъ былъ ей радъ; онъ ее ласкалъ, называя самыми нѣжными именами:

— Ахъ, ты дурочка... ахъ, ты моя товарка черноглазая, ахъ, ты любимка, ахъ, ты голубка, не можешь безъ меня жить!.. да вѣдь и мнѣ безъ тебя скучно; поди, поди сюда, вотъ тебѣ за то кусочекъ сухарика... вишь, какъ устала.

И вынувъ кусочекъ сухаря, онъ подалъ его Жучкѣ, которая впрочемъ была не голодна, да и съ радости, можетъ быть, ѣсть его не стала.

— Ну, нечего дѣлать, сказалъ мальчикъ, быть по твоему: пойдемъ вмѣстѣ.

Въ это время богомольцы были въ трехъ верстахъ съ небольшимъ отъ деревни. Не удивительно ли, что Жучка ихъ нашла и догнала: ей никто не могъ растолковать по какой дорогѣ ушелъ ея милый другъ Вася. А изъ запертой клѣти, она такъ же никакъ видѣть не могла, въ какую сторону пошли богомольцы.

Нельзя не обратить вниманія на то, что одно чутье помогаетъ собакамъ такъ вѣрно слѣдить за своимъ хозяиномъ; поэтому, несмотря на нашъ человѣческій разумъ и на наши соображенія, мы, въ этихъ случаяхъ, должны слѣпо слушаться собаки, которую Господь одарилъ чуднымъ ея чутьемъ.

Первый привалъ богомольцевъ былъ въ *Изъери*, татарской деревнѣ, въ двадцати пяти верстахъ отъ ихъ жительства.

— Ну, вотъ и привалъ, сказалъ Тимоша, одиннадцати-лѣтній мальчикъ, весело подпрыгивая, стараясь открыть у околицы богомольцамъ ворота.

— А что, Тимоша, спросила Ѳекла Андревна, — усталъ?

— Что ты, баушка, когда еще устать, только жарко маленько...

— Какъ бы не было грозы: что-то паритъ! замѣтила Аксюта.

— Ни одного облачка не видать, сказалъ Вася, какая гроза, такъ, просто жарко.

Богомольцы прошли вправо отъ деревни къ красивой широкой рѣчкѣ, которая въ этомъ мѣстѣ живописно извивается, выбрали удобное мѣстечко подъ крутымъ берегомъ, который ихъ защитилъ отъ солнца, и сѣли всѣ въ кучку. Вася ковшикомъ почерпнулъ воды: они помочили въ нее сухари — и это былъ ихъ общій обѣдъ, послѣ котораго всѣ легли отдыхать и заснуть.

Мальчикамъ Васѣ и Тимошѣ что-то не спалось.

— Не взяли мы съ собою лесы и крючки: а то-то бы съ мостика теперь рыбу поудить, сказалъ Вася, привалившись на свою котомку.

— Теперь вся рыба сыта, отвѣчалъ Тимоша, и на удочку не пойдетъ. Я думаю и рыба-то, какъ люди, послѣ обѣда тоже отдыхаетъ.

— Чтожь мы будемъ дѣлать? не спится, продолжалъ Вася.

— Да вишь, и Жучка не спитъ, а лежитъ смирно, отвѣчалъ Тимоша, ну, и мы полежимъ: пусть ноги отдыхаютъ, вѣдь имъ еще далеко идти.

Въ деревнѣ была совершенная тишина, только изрѣдка кой-гдѣ показывались смѣшные татарчата въ синихъ рубашкахъ, съ обшивками на груди и въ шапочкахъ съ хохолками изъ лисьихъ хвостовъ. Они возили въ телѣжкахъ маленькихъ ребятишекъ и, какъ воробьи, щебетали по своему между собою.

Вася и Тимоша поглядывали на нихъ издали и смѣялись ихъ забавамъ.

Такъ прошло часа три; жаръ былъ такъ же силенъ, но вѣтерокъ подулъ съ сѣвера и воздухъ освѣжился. Горбачиха первая встала, пошла омыть руки и ноги къ рѣкѣ и, привязавъ къ поясу свои лапти, подала этимъ примѣръ и остальнымъ богомольцамъ, которые поспѣшили также разуться.

— Такъ и идти будетъ легче, сказала Аксюта, жаръ спадаетъ и еще маленько, земля совсѣмъ остынетъ.

Всѣ стали привязывать за плеча свои котомки и, какъ журавли, послѣ отдыха, потихоньку поднялись и пошли дальше.

Поздно вечеромъ они пришли на *Красное*.

Тутъ былъ перевозъ чрезъ рѣчку Красную, которую живописно окружаютъ кустарники и деревья; впрочемъ, кромѣ шалаша, никакого пристанища для путешественниковъ нѣтъ, и наши богомольцы расположились ужинать и ночевать на лугу, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ перевоза.

Кто прошелъ пятьдесятъ верстъ пѣшкомъ, тому покажется вездѣ ловко спать; поэтому не успѣли они привалиться другъ около друга, какъ тотъ же часъ всѣ заснули.

Ночь была чудная, такая свѣтлая, что казалось, день проглядывалъ чрезъ ея полупрозрачное, легкое покрывало. Заря не проходила, и небо, изъ яркаго розоваго цвѣта, тихо и почти едва замѣтно переходило къ свѣтло-алому, предвѣщавшему торжественный восходъ солнца

Съ первыми его лучами путешественники поднялись и пошли въ путь; роса освѣжила землю, и идти было легко и весело.

Въ десятомъ часу утра они были уже на Камѣ, гдѣ устроенъ перевозъ противъ станціи *Епанчино*. Кама — чудная, судоходная рѣка, а Епанчино — большая татарская деревня, плотно застроенная на крутомъ ея берегу.

Лѣтомъ, когда, послѣ огромнаго разлива, Кама входитъ въ свои берега, то въ этомъ мѣстѣ въ ней бываетъ верста ширины.

Дожидаясь дощеника, который съ большимъ обозомъ тяжело подвигался съ противуположной стороны, наши путешественники сѣли на самомъ краю отлогаго песчанаго берега и, хотя были простые крестьяне, но искренно любовались обширною картиной, которая разстилалась предъ ихъ глазами.

По рѣкѣ плыли одна за другой огромныя разшивы съ грузомъ зерноваго хлѣба. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, онѣ плавно шли на всѣхъ парусахъ.

Кстати, не могу здѣсь не замѣтить, какъ геній Великаго Петра до сихъ поръ видѣнъ во всей Россіи: огромныя суда, которыя во множествѣ ходятъ по Волгѣ и перевозятъ хлѣбъ и другіе товары, до сихъ поръ строятся по рисункамъ имъ составленнымъ; они были названы имъ: *рейсъ-шифъ*, а наши мужички передѣлали въ *разшивы*.

— Точно лебеди бѣлогрудые, сказала Горбачиха, указывая рукою на богатую флотилію.

— Какъ мило глядѣть, замѣтилъ Вася; точно птицы съ крыльями, а мнѣ кажется, будто они идутъ тихо.

— Оно такъ кажетъ, затѣмъ, что, видишь, Вася, ихъ не колыхнетъ... а погляди-ка назадъ, вонъ она, первая-то разшива, ужь изъ глазъ ушла, отвѣчалъ Сергѣичъ.

— Я, чай, бурлаки всѣ теперь спятъ, сказала Соломонида.

— Не мудрено, что и спятъ; ночью вѣтра не было, вѣрно шли на веслахъ, или тянули бичевую, а эта работа хоть кого такъ разломитъ.

— А много-ль тутъ груза? спросилъ Вася.

— Въ разшивѣ-то? ну, кулей до трехъ тысячь...

— Батюшки! вскричалъ Вася; ну, Соломонидушка, хоть ты и больно лютая, а тебѣ и одного куля не поднять. Три тысячи!.. да я думаю и звѣздъ-то на небѣ не больше.

— Ну, еще до звѣздъ далеко, ихъ не пересчитаешь, сказала Ѳекла Андревна, что песчинокъ на днѣ Камы, али что зеренъ на жнивѣ.

Въ эту минуту издали послышался шумъ.

— Что это шумитъ? спросилъ Тимоша.

— А вонъ издали видѣнъ дымокъ, отвѣчалъ Сергѣичъ; это должно быть пароходъ. Помнишь, я сказывалъ тебѣ: большой корабль на колесахъ, парой ходитъ. Вотъ ужь диво, такъ диво! Поглядите-ка, скорешенько набѣжитъ: вишь, такъ всѣ разшивы обгоняетъ!..

Огромный пароходъ, на колесахъ у котораго большими буквами написано: *Кама*, летѣлъ дѣйствительно величественно и важно, и мужичекъ совсѣмъ не шутя увѣрялъ, что онъ *пароходъ* отъ того, что *парой* ходитъ.

— Ахъ, дѣдушка! да разтолкуй мнѣ, пожалуйста, какъ же эти колеса на водѣ-то бѣгутъ? спросилъ Вася, не сводя глазъ съ огромнаго парохода, который все ближе и ближе къ нимъ подходилъ.

— Ну, братъ, Вася, отвѣчалъ староста церковный, это дѣло не мое: я и самъ не знаю. Вижу, что бѣжитъ, лихо бѣжитъ, а какъ такъ, Богъ его знаетъ.

— Эко диво! ну, братъ, Жучка, мы съ тобой стадо пасемъ и думать не думаемъ, что на свѣтѣ есть такія чудеса, сказалъ Вася, лаская прижимающуюся къ нему Жучку.

— А вонъ, поглядите-ка, сказалъ Сергѣичъ, указывая на большія барки съ сѣномъ, которыя показались изъ-за поворота Камы и по теченію плыли мимо нашихъ богомольцевъ внизъ по рѣкѣ. Вотъ это дѣло извѣстное, продолжалъ старикъ: сѣно луговое съ этаго берега Камы взвалили на барки да попросту и пустили: рѣка сама несетъ, да сама по теченію и погоняетъ; только сиди себѣ да гляди, чтобы на что не наткнуться: а на то руль есть. Слышите, за то какъ они весело пѣсни поютъ.

Лодочники, усѣвшись въ кучкѣ на самомъ верху сѣна, дѣйствительно пѣли очень согласно, и громкіе голоса ихъ отдавались далеко по рѣкѣ.

— Никакъ, дощаникъ привалилъ, сказала Аксюта, пойдемте, вотъ теперь насъ и перевезутъ.

— Пожалуй, что и не перевезутъ! вонъ что телѣгъ дожидается, а дощеникъ всего одинъ, сказала Горбачиха.

Въ эту минуту къ перевозу подъѣхала четвероместная карета шестерикомъ.

— Ну, видно, надо другаго дощеника ждать, теперь вѣрно господъ будетъ перевозить, сказала Соломонида со вздохомъ.

Они подошли ближе къ мѣсту, у котораго остановился экипажъ и стали на него смотрѣть. Изъ кареты вышла барыня, молодая, прекрасная и даже она имъ показалась нарядною, хотя все ея щегольство состояло въ шелковомъ клѣтчатомъ капотѣ, соломенной шляпкѣ и зонтикѣ; потомъ вышелъ ея сынокъ, мальчикъ лѣтъ шести, въ русской рубашкѣ и ямщицкой шляпѣ съ павлинымъ перомъ, потомъ наконецъ няня и горничная дѣвушка съ узелкомъ въ рукахъ.

Лошадей стали отпрягать и татары, содержащіе перевозъ, потащили тяжелую карету на рукахъ сперва по песку, потомъ по доскамъ и, съ крикомъ и шумомъ, поставили наконецъ на дощаникъ.

Эту картину стоило срисовать. Татары, надо въ этомъ признаться, на этомъ перевозѣ были одинъ другаго хуже и оборваннѣе. Ихъ грязныя, изношенныя рубашки и войлочные колпаки когда-то давно были бѣлые, ихъ масляныя тюбетейки, загорѣлыя и еще болѣе запачканныя руки и ноги, грубые крики, все это вмѣстѣ, представляло какую-то картину полудикаго народа.

Толстый лакей молодой барыни распоряжался, приказывалъ, толкалъ, то того, то другаго, наконецъ и лошадей также отвели на дощаникъ.

— Ну, отваливай! закричалъ онъ.

— И намъ бы мѣсто было, сказала робкимъ голосомъ Горбачиха.

— А вотъ мы сейчасъ станемъ на другой дощаникъ, сказала барыня, тамъ всѣмъ мѣсто будетъ.

— Спасибо, матушка, отвѣчала старушка.

Другой дощаникъ подъѣхалъ: пошли господа — и богомольцы вслѣдъ за ними.

Барынька съ сыночкомъ сѣли на поперечное толстое бревно; нянюшка подала имъ узелокъ съ булками и ватрушками, и они принялись завтракать.

Жучку сманилъ запахъ ихъ кушанья. Она почти ползкомъ тихо къ нимъ приближалась. Вася издали на нее поглядывалъ.

— Мамаша, можно дать этой собакѣ кусочекъ ватрушки? спросилъ маленькій мальчикъ.

— Я думаю, крестьянскіе ребятишки, что съ нами переѣзжаютъ рѣку, и сами будутъ рады поѣсть ватрушки, отвѣчала мать; поди лучше поподчуй ихъ.

Алеша, такъ звали мальчика, тотчасъ же вскочилъ съ своего мѣста и, подбѣжавъ къ Васѣ и Тимошѣ, спросилъ ласково:

— Вы хотите ватрушки? Горбачиха толкнула мальчиковъ и они поспѣшили снять шляпы, а Вася поклонившись отвѣчалъ: благодаримъ покорно, вѣдь онѣ, чай, скоромныя... а мы скоромнаго не ѣдимъ.

— Правда! сказалъ Алеша и бѣгомъ пустился къ матери.

Тогда, приманивъ Жучку, Алеша сталъ ее кормить, а, она, какъ будто желая заслужить его доброе расположеніе, стояла на заднихъ лапкахъ, какъ неподвижный часовой.

— Какая славная собачка! сказалъ Алеша. Милая мамаша, я такъ давно хочу имѣть собаку, возьмемте эту съ собою къ намъ въ домъ.

— Она вѣрно принадлежитъ или перевозчикамъ, или этимъ богомольцамъ, отвѣчала его мать: какъ же мы можемъ ее взять съ собою?

— Можно у нихъ попросить, сказалъ мальчикъ. Милая мамаша, пожалуйста, мнѣ очень хочется...

Перевозчики въ это время ровно ударяя веслами, затянули русскую пѣсню. Голосъ этой пѣсни шелъ довольно ладно, за то слова какъ-то вовсе не клеились.

— Что это они поютъ, спросилъ Вася старосту церковнаго, по каковски? никакъ, не по нашему!

— Никакъ, по татарски, отвѣчалъ старикъ.

— Что ты, дѣдушка, замѣтила Соломонида, али не слышишь:

Раскачаемъ береза̀,
Разваляемъ зелена̀;
У—у—хнѣмъ,
У—у—хнѣмъ.

— Это по русски, только что-то не ладно.

— Вишь, знать: раскачаемъ березу; а они-то поютъ береза́, и выходитъ ни то, ни сё, сказала Ѳекла Андревна.

— Видно, они по своему-то пѣть не знаютъ, такъ и поютъ по нашему, вотъ отъ чего коверкаютъ слова, сказалъ Тимоша.

— А все же съ пѣснею-то грести веселѣе, замѣтилъ Вася. Погляди-ка, какъ дощаникъ-то знатно пошелъ.

— Наваливай, ребята, наваливай, кричалъ худощавый татаринъ въ зеленомъ кафтанѣ, полы котораго заткнуты были за поясъ. Онъ стоялъ на рулѣ, и прижимаясь грудью къ рулевому бревну, поворачивалъ дощаникъ къ берегу.

Алеша подошелъ къ богомольцамъ, возлѣ которыхъ вертѣлась Жучка.

— Это ваша собака? спросилъ онъ.

— Моя, отвѣчалъ Вася, поглаживая Жучку.

— Что, ты ее намъ не продашь? спросила барыня; я тебѣ за нее дамъ два рубля серебромъ.

— Я и двадцати не возьму, отвѣчалъ мальчикъ, опустивъ глаза въ землю.

— Отъ чего такъ? сказала барыня.

— Отъ того, что нельзя взять...

— Ты мнѣ скажи только, отъ чего?

— Отъ того, что жаль.

— Да отъ чего жаль?

— Отъ того, что... отъ того, что я другой такой не наживу.

— Чтожь: она очень умна?

— Когда не умна! все, все разумѣетъ.

— Ты вѣрно ее съ собой взялъ, чтобы она васъ ночью караулила?

— Нѣтъ, я ее не бралъ; она сама догнала насъ на дорогѣ.

— Правда, сударыня, продолжала Горбачиха, ее въ клѣть заперли, а ужь какъ она вырвалась, Богъ ее знаетъ. Стремглавъ прибѣжала... А насъ чего караулить, что съ насъ взять? одежа — и та старая; сухари — чего они стоятъ? вездѣ по дорогѣ и такъ хлѣба даромъ дадутъ.

— Оно и правда, сказала барыня, вы вѣрно идете на встрѣчу образа въ Казань?

— Да, матушка.

— Ну, и мы туда.

— Вы вѣрно изъ вотчины?

— Да, изъ деревни.

— Вы Шмелевскіе или Юркульскіе? спросила старушка.

— Тутъ не далеко отъ Шмелевки—село Богородское.

— Знаемъ, знаемъ, сударыня: богатое село.

— А вы откуда?

— Изъ сельца Лебяжья, господина Смѣльскаго.

— Нашего добраго знакомаго.

Въ эту минуту дощаникъ причалилъ къ берегу, и разговоръ этимъ кончился.

Барыня вышла на берегъ съ своимъ сынкомъ и, покуда тащили ея карету и выводили лошадей, она съ нимъ сѣла на бревнѣ, и показывала великолѣпный видъ, который разстилался передъ глазами на огромное пространство.

Кама такъ была хороша, отражая теплое, голубое небо: вѣтерокъ спалъ, на разшивахъ паруса опустились и множество судовъ стояло неподвижно; однѣ рыбачьи лодочки проворно плыли по разнымъ направленіямъ: съ иныхъ закидывали сѣти, въ другихъ весело везли на веслахъ множество стерлядей, судаковъ и другой рыбы къ берегу.

Богомольцы отправились потихоньку въ гору и, выбравъ удобное мѣстечко возлѣ хорошей татарской избы, расположились въ тѣни на отдыхъ. Не прошло пяти минутъ, какъ къ этой избѣ подъѣхала карета съ господами, которую переправляли на перевозѣ вмѣстѣ съ ними.

Марія Ростовская.

(*Окончаніе будетъ.*)

МЕДВѢДЬ.

ѣтъ сомнѣнія, что медвѣдь можетъ считаться самымъ сильнымъ и лютымъ животнымъ въ европейской Россіи и Сибири. Наружный видъ его всѣмъ извѣстенъ: широкій лобъ, небольшія стоячія уши, также небольшіе каріе глаза; туловище средней длины, сообразно величинѣ звѣря; ноги довольно длинны и толсты и на концахъ пальцевъ находятся страшныя кривыя когти. Медвѣдь ходитъ всею ступней, выворачивая пятки назадъ и потому принадлежитъ къ разряду звѣрей *стопоходящихъ*. Хотя медвѣдь ходитъ неловко, какъ-то бокомъ и съ перваго взгляда кажется настоящимъ Михайлой Ивановичемъ Таптыгинымъ, однако бѣгаетъ очень скоро и потому отъ разъяреннаго медвѣдя пѣшему убѣжать очень трудно, даже почти невозможно.

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію характера этого звѣря, скажемъ нѣсколько о раздѣленіи медвѣдей на двѣ группы, именно: къ первой группѣ принадлежатъ, такъ называемые, муравейники, а ко второй — стервятники. Существенное различіе между той и другой породой медвѣдей заключается въ ростѣ, устройствѣ морды и цвѣтѣ шерсти.

Муравейники роста небольшаго, морда гораздо тоньше, чѣмъ у стервятниковъ: цвѣтъ шерсти темный, иногда даже черный. Стервятники, напротивъ, роста большаго, морда у нихъ толстая, цвѣтъ шерсти бурый. Само названіе показываетъ, что муравейники питаются муравьями, а стервятники — падалью. Впрочемъ нельзя утверждать, что это отличительная черта между той и другой группой. Муравейники за недостаткомъ муравьевъ питаются падалью, точно также и стервятники за недостаткомъ мясной пищи прибѣгаютъ къ муравьямъ и растеніямъ.

Теперь намъ слѣдуетъ сказать объ образѣ жизни медвѣдя, его характерѣ и охотѣ на него.

Медвѣди живутъ въ лѣсахъ по парно, чаще же по одиночкѣ; впрочемъ медвѣдица ходитъ съ своими дѣтьми, но и то недолго: по прошествіи двухъ лѣтъ медвѣжата должны жить особо. Двухгодовалые медвѣжата называются *пѣстунами*, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы они охраняли молодыхъ медвѣжатъ, доставали имъ пищу, готовили постель и, въ случаѣ переправы черезъ рѣку или озеро, переносили ихъ на противоположный берегъ. Однимъ словомъ они исполняютъ обязанность нянекъ, если же заупрямятся и не исполняютъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, то имъ жестоко достается отъ медвѣдицы. Трехлѣтнихъ медвѣжатъ медвѣдица отъ себя отгоняетъ, а на мѣсто ихъ выбираетъ двухъ изъ своихъ подростающихъ дѣтей, большею частію молодыхъ самокъ. Молодые медвѣжата очень рѣзвы и веселы: постоянно играютъ, бѣгаютъ другъ за другомъ, прячутся въ кусты и неожиданно выскакиваютъ оттуда. Въ играхъ ихъ принимаетъ участіе и мать; она бѣгаетъ за ними, ловитъ ихъ, разсыпаетъ имъ свои материнскія ласки; при малѣйшей же опасности прячетъ ихъ въ кусты, а сама уходитъ въ противоположную сторону, чтобы отвлечь вниманіе отъ своихъ дѣтей, или же, если спрятаться негдѣ, взбирается съ ними на деревья. Молодые медвѣжата съ удивительною ловкостью влезаютъ на деревья и спускаются съ

нихъ, даже иногда они спускаются съ деревьевъ головой внизъ; это случается однако только тогда, когда дерево очень вѣтвисто; если же стволъ его гладокъ, то они спускаются задомъ внизъ. Самые сильные и здоровые медвѣди отъ 5 до 10 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ они страшны своею силою и отважностью. Медвѣдь угрюмъ, любитъ одиночество, и потому очень рѣдко можно встрѣтить нѣсколькихъ медвѣдей вмѣстѣ, по большей же части встрѣчаютъ медвѣдя одного, или попарно — самца съ самкою, или самку съ дѣтьми.

Въ концѣ осени медвѣди вырываютъ для себя берлогу и въ началѣ зимы залегаютъ въ нее и чутко спятъ, такъ что иногда малѣйшій шумъ заставляетъ ихъ проснуться и прислушиваться; впрочемъ есть и такіе беззаботные медвѣди, которые спятъ очень крѣпко, такъ что къ ихъ берлогѣ можно подойти безъ всякаго труда. Медвѣдь, разъ поднятый изъ своей берлоги, ни за что уже не ляжетъ въ нее въ другой разъ; онъ или дѣлаетъ себѣ новое логовище, уничтоживъ предварительно слѣды своихъ лапъ, оставшіеся на снѣгу, или дѣлается *шатуномъ*, о которомъ мы скажемъ въ свое время.

За мѣсяцъ или за два передъ тѣмъ, какъ залечь въ спячку, медвѣдь много ѣстъ, вслѣдствіе чего жирѣетъ и уже передъ самой спячкой употребляетъ, такъ называемый, *медвѣжій корень*, который очищаетъ его желудокъ. Такимъ образомъ, отъѣвшись, онъ ложится въ свою темную и теплую берлогу и спитъ до половины марта мѣсяца.

Что же касается того, что, будто бы, медвѣдь во время зимы сосетъ свою лапу, то это совершенно несправедливо, потому что весною, когда онъ встаетъ, у него лапы совершенно ровны, чего не могло бы быть, если бы онъ сосалъ ихъ. Даже то доказываетъ несправедливость этого повѣрья, что на лапахъ у медвѣдя, когда онъ просыпается, бываютъ засохшія комья грязи, приставшіе къ его ногамъ еще осенью, во время ходьбы.

Теперь мы скажемъ, что такое шатунъ. Шатуномъ называется медвѣдь, который не успѣлъ отъѣсться во время осени и слѣдовательно неимѣвшій возможности лечь въ берлогу, ибо медвѣдь, залегшій въ берлогу, во время зимы питается на счетъ своего жира. Шатунами тоже, какъ я выше сказалъ, называются тѣ медвѣди, которые зимою были подняты изъ берлоги, и которые послѣ этого уже не ложились.

Шатуны чрезвычайно злы и постоянно голодны; почему и нападаютъ на всякаго встрѣчнаго. Медвѣдю обыкновенно не нравится присутствіе человѣка и потому онъ избѣгаетъ его сколько возможно; шатунъ же, напротивъ, бросается на человѣка, не разбирая, вооруженъ ли онъ или нѣтъ.

Но зимою этимъ бездомнымъ странникамъ приходится плохо: они или замерзаютъ, особенно въ Сибири, когда морозъ достигаетъ до 48° или 50°, или же дѣлаются добычею волковъ, которые зимою охотятся на медвѣдей съ неслыханною дерзостью, даже выгоняютъ ихъ изъ берлогъ. Черкасовъ, сибирскій охотникъ, въ своихъ „Запискахъ“ разсказываетъ, что однажды на шатуна напали волки и бѣдный медвѣдь, нигдѣ не видя спасенія, вскочилъ на стогъ сѣна и оттуда началъ бросать въ своихъ преслѣдователей жерди, которыя обыкновенно кладутся сверхъ сѣна, чтобы оно крѣпче держалось и не разсыпалось отъ сильнаго вѣтра. Но волки терпѣливо выжидали, конечно отойдя на приличное разстояніе отъ стога, чтобы палки и жерди, летящія оттуда, не могли имъ вредить, и когда медвѣдь въ изнеможеніи отъ долгой работы упалъ на сѣно и скатился съ него внизъ на землю, то волки, которымъ только этого и хотѣлось, бросились на него и разорвали на части.

Съ наступленіемъ начала весны, именно передъ Благовѣщеніемъ, медвѣди, залегшіе въ спячку, встаютъ исхудалые и голодные, вслѣдствіе чего бываютъ очень злы. Они съ жадностію бросаются на всякую, попав-

шую подъ руку, пищу, особенно же ѣдятъ много и съ большимъ аппетитомъ недавно-показавшіяся почки деревьевъ, ходятъ на *солончаки*, т. е. мѣста, пропитанныя солью, которыхъ много въ Сибири и сѣверной Россіи, лижутъ съ удовольствіемъ соленую землю, и много пьютъ минеральной воды, если она находится не въ далекомъ разстояніи отъ *солончаковъ*; потомъ ходятъ на *увалы* или небольшіе холмики и съ наслажденіемъ грѣются на весеннихъ лучахъ солнца.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ у медвѣдей заводятся въ носу черви, вслѣдствіе чего у нихъ обоняніе въ это время очень слабо, также въ этомъ мѣсяцѣ ихъ очень безпокоятъ оводы. Для защиты отъ этихъ надоѣдливыхъ гостей, медвѣдь во время жаровъ уходитъ въ глубину лѣса и тамъ прячется въ кустахъ; съ наступленіемъ же вечера онъ бѣжитъ въ озера или рѣки и долго купается, даже иногда остается въ водѣ всю ночь, и только при разсвѣтѣ опять уходитъ въ лѣсъ и остается тамъ до слѣдующаго вечера.

При всей своей угрюмости и нелюдимости, медвѣдь однако имѣетъ своего рода удовольствія, такъ напр. онъ спускаетъ съ высокихъ скалъ камни и очень удивляется, что вмѣсто одного камня, имъ брошеннаго, летитъ нѣсколько, такъ какъ пущенный имъ камень зацѣпляетъ другіе; этотъ же способъ онъ употребляетъ иногда и на охотѣ за кабанами или лосями. Замѣтивъ лося или кабана, пасущихся подъ скалой или на днѣ глубокаго оврага, медвѣдь тихонько взбирается на верхъ и, оттуда прицѣлясь, бросаетъ въ свою добычу огромные камни или даже цѣлые стволы деревьевъ. Такого рода охота медвѣдю удается очень часто; чаще же онъ употребляетъ другой способъ для добыванія завтрака или обѣда, состоящій въ слѣдующемъ: замѣтивъ какое либо животное, даже человѣка, медвѣдь начинаетъ его *скрадывать*, т. е. подползаетъ къ нему совершенно неслышно и незамѣтно. Приблизившись на близкое разстояніе, медвѣдь бросается на добычу съ удивительною быстротою и легкостью. Горе человѣку, не замѣтившему притаившагося медвѣдя, даже оружіе онъ не въ состояніи будетъ употребить для своей защиты: медвѣдь выбиваетъ его у человѣка, какъ бы чувствуя инстинктивно страшное его дѣйствіе и, уже выбивши его, схватываетъ человѣка, сдираетъ съ черепа кожу на лице и загрызаетъ несчастнаго. Главное дѣло не нужно трусить при встрѣчѣ съ медвѣдемъ; самъ онъ никогда не пойдетъ на человѣка первый, если замѣтитъ, что человѣкъ не боится его, а напротивъ вызываетъ на бой; въ такомъ случаѣ медвѣдь поспѣшно убѣгаетъ; если же онъ замѣтитъ, что человѣкъ испугался его и подался, хотя очень немного, назадъ, тогда встаетъ на заднія лапы и приближается къ жертвѣ съ страшнымъ ревомъ, оскаливъ блестящіе зубы. Нужно благодарить Бога, если счастливо выпутаешься изъ бѣды. Однажды въ Сибири напалъ медвѣдь на совершенно безоружнаго человѣка, несчастный, не зная что дѣлать, упалъ на землю и притворился мертвымъ; тогда медвѣдь, приблизившись къ нему, обнюхалъ его и видя его мертвымъ, взялъ въ лапы, отнесъ въ кусты, завалилъ валежникомъ и прутьями, оставивъ его на ужинъ, самъ удалился. Несчастный, дождавшись удаленія звѣря, выползъ изъ-подъ прутьевъ, безъ оглядки побѣжалъ домой и съ тѣхъ поръ у него отбило всякую охоту ходить безъ оружія въ *тайгу* (такъ называются сибирскіе лѣса).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ охотѣ на медвѣдей. Охота на медвѣдей производится весьма различными способами; конечно, чаще всего на нихъ охотятся съ ружьями; изъ другихъ же способовъ охоты на медвѣдя стоитъ замѣтить слѣдующій: всѣмъ извѣстно, что медвѣдь очень любитъ лакомиться медомъ, потому очень часто взбирается на деревья и безъ всякаго сожалѣнія переворачиваетъ вверхъ дномъ жилища пчелъ, плодъ долговременныхъ и настойчивыхъ усилій. Этими-то беззаконными дѣйствіями медвѣдя чело-

*

вѣкъ пользуется для своихъ выгодъ. Это обыкновенно дѣлается такъ: замѣчаютъ, что медвѣдь часто посѣщаетъ какое нибудь дерево и, по удаленіи его, промышленникъ привѣшиваетъ чурбанъ надъ самымъ отверстіемъ дупла, гдѣ пчелы устраивали свое жилище, а внизу, вокругъ дерева, вбиваютъ длинные и острые колья. Медвѣдь, разъ повадившійся посѣщать улей, уже ни за что не прекратитъ своихъ прогулокъ до тѣхъ поръ, пока не вытащитъ всего меда. И такъ медвѣдь приходитъ къ дереву, влезаетъ на него, отталкиваетъ чурбанъ и достаетъ медъ; но въ то время, какъ онъ хозяйничаетъ въ дуплѣ, предательскій чурбанъ обрушивается на него, медвѣдь удивляется и никакъ не можетъ понять, какимъ образомъ негодный отрубокъ дерева могъ такъ больно ударить его; но гнѣвъ беретъ перевѣсъ надъ удивленіемъ и медвѣдь еще сильнѣе отталкиваетъ отъ себя чурбанъ, желая наказать его, а чурбанъ опять возвращается на свое прежнее мѣсто и еще больнѣе ударяетъ Мишку; тогда косолапый гость, позабывъ о медѣ, приходитъ въ ярость, реветъ страшнымъ образомъ и изо всѣхъ силъ толкаетъ отъ себя чурбанъ, а чурбанъ какъ бы не обращая вовсе никакого вниманія на гнѣвъ такой высокой особы, какъ медвѣдь, колотитъ его да колотитъ; наконецъ звѣрь, изнемогая отъ боли и усталости, падаетъ на острые колья, гдѣ его ожидаетъ неминуемая смерть.

Медвѣдей также добываютъ посредствомъ *пасти*, которая состоитъ изъ четырехугольной ямы около сажени глубиной, съ совершенно отвѣсными боками, на днѣ которой воткнуты острые колья. Приготовивъ *пасть*, поверхность ея закладываютъ прутьями, листьями и землей, такъ чтобы яма была совершенно скрыта; притомъ надо замѣтить, что такія ямы дѣлаются на тропинкахъ, по которымъ медвѣдь обыкновенно ходитъ. Такимъ образомъ медвѣдь, не замѣчая опасности, идетъ по тропинкѣ, проваливается въ яму и натыкается на колья; но есть такіе хитрые медвѣди, которые, какъ бы чувствуя опасность, сворачиваютъ съ тропинки и проходятъ опасное мѣсто стороною.

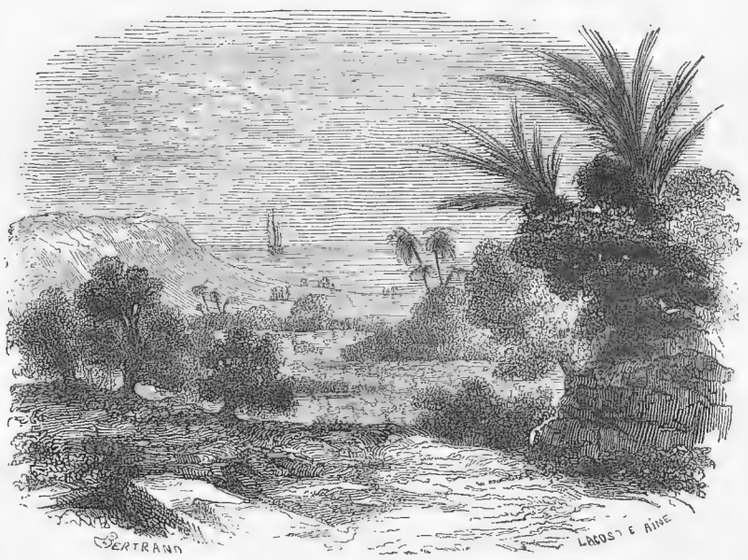
Въ нашихъ странахъ на медвѣдей обыкновенно охотятся поздней осенью или зимой, такъ какъ звѣрь въ это время лежитъ въ берлогѣ и слѣдовательно имѣется болѣе возможности убить его въ логовищѣ, чѣмъ весной или лѣтомъ — въ лѣсу. Главное условіе охоты состоитъ въ томъ, чтобы подходить къ берлогѣ медвѣдя какъ можно тише, потому что онъ спитъ не очень крѣпко и можетъ выскочить прежде времени; также не менѣе важное условіе — безстрашіе и увѣренность въ непремѣнной погибели звѣря; въ противномъ случаѣ можетъ произойти весьма плохое слѣдствіе. Слишкомъ много народу на охотѣ — не хорошо, потому что происходитъ шумъ; а самое лучшее охотиться двоимъ—если одинъ оплошаетъ, то другой ему поможетъ, и притомъ двое, почти совершенно не замѣтно и безъ всякаго шума, могутъ приблизиться къ берлогѣ медвѣдя; но за то нужно имѣть твердость и мужество, потому что охота на медвѣдя не такъ легка, какъ охота на птицъ: птицу можно и не убить, отъ этого послѣдствій никакихъ не будетъ, развѣ только то, что потеряешь лишній зарядъ; а на медвѣдя такъ охотиться нельзя: его нужно непремѣнно убить, иначе можно и самому поплатиться жизнью за свою оплошность. При охотѣ на медвѣдя, кромѣ ружья, очень не мѣшаетъ имѣть пистолетъ, потомучто, въ случаѣ схватки со звѣремъ, онъ можетъ оказать большую услугу.

П. Р — въ.

ФЕРМА ПОДЪ ЛИПАМИ.

(Разсказъ Шмидта.)

Бразилія — одно изъ самыхъ обширныхъ государствъ южной Америки, но населеніе его, не соотвѣтствующее пространству, сосредоточено преимущественно въ городахъ; такъ что случается пройдти цѣлые десятки миль, не встрѣтя ни одной души. Поэтому, и такъ какъ почва земли чрезвычайно плодородна, правительство Бразиліи старается всѣми силами заманить туда колонистовъ изъ Европы. Нѣкоторые, прельщенные блестящими обѣщаніями и надеждою скоро обогатиться, склоняются на эти предложенія и, продавъ свое небольшое имущество, покидаютъ родину. Многіе земледѣльцы, которые могли бы въ Европѣ трудами и работой прокормить свое семейство, думали, что съ переселеніемъ въ Америку, — которую они воображали себѣ страной сказочнаго міра, — они съ разу сдѣлаются богатыми землевладѣльцами; но надежды ихъ бо́льшей частью не сбывались:—вмѣсто богатства они претерпѣвали нищету, несчастья и неудачи. Тѣхъ, которымъ судьба улыбалась, было немного и служить примѣромъ они не могутъ. Если мы и разсказываемъ исторію семейства Бернгардъ, то только потому, что она содержитъ въ себѣ много добродѣтельныхъ поступковъ и примѣровъ самоотверженія; мы далеки отъ того, чтобы доказать этимъ разсказомъ пользу переселенія изъ мѣста родины въ Америку, такъ какъ находимъ, что лучше не предаваться пустымъ надеждамъ и не покидать своего отечества.



Видъ Бразиліи.

I.

Бернгардъ, отецъ, былъ честнымъ и трудолюбивымъ хлѣбопашцемъ одного изъ кантоновъ Швейцаріи. Онъ былъ не богатъ, но Богъ благословлялъ его труды и онъ ни въ чемъ не нуждался, воспитывалъ дѣтей своихъ въ любви къ Богу и училъ ихъ христіанской добродѣтели.

Одинъ несчастный годъ разрушилъ всѣ плоды его продолжительныхъ трудовъ и стараній: поля были побиты градомъ, весь скотъ палъ, къ довершенію всего молнія упала на домъ, зажгла его, черезъ что раззореніе бѣднаго Бернгарда было окончательное. Но и тутъ онъ безропотно покорился волѣ Божіей и подобно Іову сказалъ: „Господи, Ты мнѣ далъ все, что я имѣлъ, Ты же и взялъ: да будетъ святая воля Твоя!“

Несчастіе бѣднаго фермера было тѣмъ ужаснѣе, что неурожай предъидущихъ годовъ заставилъ его занять небольшую сумму подъ залогъ дома и нѣсколькихъ десятинъ земли, и кредиторъ его, не получивъ деньги

въ срокъ, могъ выгнать все семейство изъ принадлежащаго ему дома, но надежда на Бога не покидала Бернгарда.

Однажды, возвращаясь отъ кредитора домой, онъ услыхалъ вдали веселое пѣніе. На встрѣчу къ нему шла толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей; ихъ было около ста человѣкъ: матери вели за руку дѣтей, а молодые и здоровые мальчики везли на себѣ небольшія телѣжки, наполненныя домашней утварью и земледѣльческими орудіями. Старый и малый, всѣ шли босикомъ, кто съ трубкой въ зубахъ, кто съ коркой чернаго хлѣба. Впереди всѣхъ шелъ молодой человѣкъ, наигрывая на флейтѣ, въ знакъ послѣдняго прощанія съ родиной, одну изъ національныхъ пѣсней. Весь этотъ караванъ прошелъ мимо Бернгарда и каждый ему весело поклонился.

— Куда это вы идете, друзья? спросилъ Бернгардъ у одного изъ толпы, человѣка среднихъ лѣтъ, державшаго на рукахъ ребенка.

— Куда! отвѣчалъ тотъ,—да развѣ ты не слыхалъ припѣва нашей пѣсни? Мы идемъ очень, очень далеко: въ Бразилію, въ Америку!

— Неужели такъ далеко!? съ изумленіемъ вскричалъ Бернгардъ, — да что же вы тамъ будете дѣлать?

— Мы хотимъ попытать счастье, отвѣчалъ путешественникъ. Нашъ край до того населенъ, что не хватаетъ земли и всѣ мы голодали. Намъ говорили, что въ Бразиліи много серебра и золота, что она обширна и плодородна, вотъ мы и рѣшились туда ѣхать, надѣясь на Божью помощь.

Слова эти поразили Бернгарда; они открыли передъ нимъ новую будущность.

— Гдѣ же вы садитесь на суда? продолжалъ онъ разспрашивать.

— Мы идемъ теперь прямо въ Гамбургъ, отвѣчалъ ему путешественникъ, а тамъ такъ много судовъ, что остается только выбирать любое; къ тому же, наше правительство беретъ на себя всѣ путевыя издержки. Однако, товарищи мои ушли такъ далеко, что мнѣ съ дѣтьми трудно будетъ догнать ихъ; и такъ прощай, пріятель, быть можетъ, увидимся, если ты вздумаешь прокатиться въ Бразилію.— Они разстались и Бернгардъ пошелъ домой, размышляя о томъ, что слышалъ.

— Въ Бразилію, говорилъ онъ самъ себѣ:— въ Бразилію! объ этомъ слѣдуетъ подумать.— Кто знаетъ, можетъ быть, самъ Богъ послалъ мнѣ этихъ людей, чтобы указать единственное средство къ спасенію моего семейства отъ окончательнаго раззоренія и угрожающей ему нищеты?

II.

Когда Бернгардъ вошелъ въ домъ, его обступили всѣ дѣти, стараясь прочесть на грустномъ лицѣ отца, отвѣтъ, который онъ принесъ отъ кредитора.

— Кредиторъ нашъ неумолимъ и, можетъ быть, скоро выгонитъ насъ изъ дому, бѣдныя мои дѣти!— проговорилъ отецъ съ тяжелымъ вздохомъ.

При этихъ словахъ послышались громкія рыданія.

— Такъ все погибло! нѣтъ болѣе надежды! воскликнула Маргарита, старшая дочь фермера, овдовѣвшая за нѣсколько мѣсяцевъ до этого. — Неужели мы должны окончательно погибнуть?

— Не говори этого, дочь моя, — строго замѣтилъ Бернгардъ; — мы бѣдны, это правда, но не погибшіе. Погибшими могутъ считаться только тѣ, которые забыли Бога, а мы не переставали исполнять Его заповѣди; наша совѣсть покойна и, повѣрь мнѣ, Богъ не оставитъ насъ. Даже и теперь Онъ указалъ мнѣ средство совершенно поправить наши дѣла. Въ южной Америкѣ есть обширная страна, называемая Бразиліей, государь которой обѣщаетъ свою помощь и покровительство тѣмъ трудолюбивымъ людямъ, которые согласятся переселиться туда. Онъ имъ от-

водить участки земли, даетъ сѣмена и земледѣльческія орудія. Съ подобнымъ пособіемъ и твердой волей можно поправить свои дѣла и пріобрѣсти новое состояніе.

— И такъ, батюшка... прервалъ его Конрадъ, старшій изъ сыновей фермера, юноша полный силъ и предпріимчивости.

— И такъ, сынъ мой,— продолжалъ Бернгардъ, — я рѣшилъ продать нашъ домъ и все движимое имущество, заплатить долги, а на остальныя деньги отправиться въ Бразилію; надѣюсь, что и тамъ Богъ насъ не оставитъ и труды наши вознаградятся.

— Мысль эта мнѣ нравится, — отвѣчалъ Конрадъ, у котораго возгорѣлось желаніе посѣтить новыя, незнакомыя ему страны. Но не то было съ Маргаритой и меньшими дѣтьми: они сидѣли молча, потупя глаза и тяжело вздыхали. Имъ грустно было покинуть мѣсто своего рожденія, проститься, вѣроятно навсегда, съ тѣмъ, что окружало ихъ дѣтство, съ домомъ, въ которомъ они были такъ беззаботно счастливы, и съ садомъ, который сами выростили; но всего тяжеле было имъ разстаться съ могилой нѣжно любимой матери; съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкли они ходить молиться на эту могилу и украшать ее каждую весну живыми цвѣтами.

Переселенцы въ Бразилію (стр. 30).

— Я понимаю, дѣти,—проговорилъ со вздохомъ Бернгардъ, послѣ минутнаго молчанія,— я понимаю и угадываю все, что вы имѣете противъ моего плана, но поймите и вы, что намъ нѣтъ другаго средства избавиться отъ угрожающей нищеты. Здѣсь мы принуждены будемъ просить милостыню; но, признаюсь вамъ, я не въ силахъ буду перенести этого, мнѣ невыносимо тяжело будетъ видѣть васъ протягивающими руку; такъ отчего же не ѣхать намъ въ Бразилію? земли тамъ много, для разработки нужны только руки и добрая воля.

— Хорошо, батюшка, ѣдемъ, — сказала Маргарита, — мы вѣримъ вашимъ словамъ и готовы слѣдовать за вами, куда желаете.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! — повторили за нею остальныя дѣти. Но несмотря на эту рѣшимость, грустныя мысли не покидали присутствующихъ: у всѣхъ на глазахъ были слезы. Одинъ только Конрадъ, полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ въ будущее, былъ покоенъ и веселъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, Бернгардъ продалъ домъ и все то, что только неудобно было брать съ собой, расплатился съ долгами и, простившись съ сосѣдями и друзьями и помолясь усердно Богу, пустился съ семействомъ въ дальній путь.

III.

У Бернгарда осталось, отъ уплаты долговъ, всего только триста талеровъ; на эти-то ничтожныя, сравнительно, деньги должны были пятеро лицъ добраться до Гамбурга, а оттуда на первомъ попавшемся кораблѣ отплыть въ Бразилію. Бѣдный старикъ съ грустью

сводилъ счеты, но надежда не покидала его.

— Другъ мой,—обратился онъ къ Конраду, когда все было готово къ отъѣзду, — ты сейчасъ же долженъ идти въ Гамбургъ, гдѣ дашь задатокъ за пять мѣстъ на первомъ отходящемъ кораблѣ и устроишь такъ, чтобы намъ не пришлось долго проживаться въ гостинницахъ, гдѣ все такъ дорого; мы же постараемся тебя нагнать какъ можно скорѣе.

Конрадъ пустился въ путь, взявъ съ собой маленькое имущество сестры своей Маргариты; остальное же семейство послѣдовало за нимъ небольшими переходами. Скорая ходьба была невозможна, такъ какъ старикъ Бернгардъ былъ слишкомъ слабъ, а у Маргариты на рукахъ былъ грудной ребенокъ. Кромѣ Маргариты и Конрада, у Бернгарда была дочь Анна пятнадцати лѣтъ и сынъ Вильгельмъ семнадцати.

Дѣти Бернгарда на могилѣ матери (стр. 31).

Взойдя на пригорокъ, съ котораго видна была вся деревня, наши путешественники остановились, чтобы еще разъ взглянуть на любимыя мѣста. Маргарита съ грустью смотрѣла на двѣ липы, стоявшія у дома, въ которомъ она такъ счастливо провела всю свою жизнь и который теперь попалъ въ чужія руки. Бернгардъ не могъ свести глазъ съ кладбища, на которомъ покоилась горько оплакиваемая подруга его молодыхъ лѣтъ, Анна и Вильгельмъ грустили: одна о своихъ цвѣтахъ, другой о фруктовыхъ деревьяхъ; худо сдерживаемыя рыданія вырывались у всѣхъ изъ груди.

— Пойдемте дѣти, сказалъ наконецъ Бернгардъ, утирая слезу, скатившуюся по блѣдной и исхудалой щекѣ, пойдемте; чѣмъ дальше будемъ стоять здѣсь, тѣмъ тяжеле будетъ уйти отсюда, авось перемѣна мѣста разсѣетъ нашу тоску. Съ Богомъ, дѣти, Господь милостивъ и никогда не оставляетъ тѣхъ, кто уповаетъ на Него.— Сказавъ эти слова, набожный старикъ запѣлъ хвалебный гимнъ, дѣти присоединились къ нему и мало по малу всѣ успокоились: грусть и тоска уступили мѣсто глубокой вѣрѣ и свѣтлымъ надеждамъ.

Послѣ довольно долгаго и утомительнаго путешествія, они наконецъ достигли Гамбурга. Оставивъ дѣтей въ скромной гостинницѣ, Бернгардъ направился къ пристани, чтобы отыскать Конрада и узнать объ отправлявшихся корабляхъ. Подойдя къ берегу, онъ увидалъ вдали молодаго человѣка въ матросскомъ платьѣ, узналъ въ немъ сына и побѣжалъ къ нему.

— Ну, что, Конрадъ, съ волненіемъ спросилъ онъ, удалось ли тебѣ устроить все, и хватитъ ли у насъ денегъ на дальнѣйшій путь?

— Все устроено по вашему желанію, батюшка,— отвѣчалъ молодой человѣкъ съ едва сдержаннымъ вздохомъ, — мѣста будутъ стоить двѣсти талеровъ; вѣдь у васъ найдется эта сумма, не правда ли? Я уже обо всемъ условился съ капитаномъ и завтра, если вѣтеръ будетъ попутный, мы снимемся съ якоря.

— Двѣсти талеровъ! вскричалъ, перебивая его, изумленный Бернгардъ, — да это неимовѣрно дешево! Сказалъ ли ты капитану, что насъ пятеро, кромѣ ребенка?

— Я сказалъ ему все, батюшка, отвѣчалъ Конрадъ; а теперь намъ надо не теряя времени занять мѣста на кораблѣ.

— Это удивительно! продолжалъ старикъ; у насъ остается около пятидесяти талеровъ на первые расходы въ Бразиліи; я никакъ этаго не предполагалъ. Сынъ мой, ты просто драгоцѣнный человѣкъ!

При этихъ словахъ Конрадъ отвернулся, же-

лая скрыть отъ отца невольно навернувшіяся слезы. Старикъ не видѣлъ ихъ, но все же замѣтилъ въ сынѣ какую-то перемѣну.

— Что съ тобой, Конрадъ? О чемъ грустишь ты? или ты не свыкся еще съ мыслью объ отъѣздѣ? На родинѣ однако ты не противился этому путешествію, а напротивъ, оно нравилось тебѣ. Между тѣмъ теперь, когда твое желаніе исполнилось, ты грустенъ; неужели ты раскаяваешься, сынъ мой? Ты, на котораго я такъ надѣюсь? — спрашивалъ съ участіемъ Бернгардъ.

— Нѣтъ, дорогой батюшка, я не раскаяваюсь, — отвѣчалъ Конрадъ, — я понимаю хорошо, что это путешествіе для насъ необходимо, но не могу удержаться отъ невольной грусти. Вы правы, мнѣ не слѣдуетъ думать о родинѣ, которую мы покинули, — пойдемте же за сестрами и братомъ и не теряя времени отправимся на корабль, а не то, онъ можетъ отплыть; съ другимъ же капитаномъ намъ трудно будетъ устроиться на такихъ выгодныхъ условіяхъ.

Прощаніе съ родиной (стр. 32).

Бернгардъ дружески сжалъ руку сыну и оба пошли къ гостинницѣ, въ которой ихъ съ нетерпѣніемъ ждали остальные члены семейства. Пообѣдавъ, всѣ пошли къ пристани, откуда на шлюпкѣ переѣхали на корабль, наполненный уже эмигрантами, горящими нетерпѣніемъ скорѣе отправиться въ путь.

IV.

— Вотъ и ты наконецъ! сказалъ молодому Конраду капитанъ корабля, человѣкъ съ жестокимъ и отталкивающимъ выраженіемъ лица;— а эти господа, вѣроятно, тѣ, для которыхъ ты взялъ мѣста?

— Точно такъ, сударь, — отвѣчалъ Конрадъ, — это отецъ мой, сестры, братъ и ребенокъ старшей сестры, овдовѣвшей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

— Прежде чѣмъ занять тѣ мѣста, которыя вамъ отведутъ, — продолжалъ капитанъ, — потрудись заплатить мнѣ условленную сумму: съ людьми, подобными вамъ, необходима осторожность, а то какъ разъ попадешь въ обманъ.

— Мы вамъ сейчасъ отсчитаемъ ваши деньги, господинъ капитанъ, — возразилъ Конрадъ; — ваши опасенія совершенно напрасны: люди подобные намъ, какъ вы говорите, иногда точнѣе исполняютъ условія, чѣмъ другіе, выше поставленные.

— Хорошо, хорошо, увидимъ! — вскричалъ капитанъ съ грубой насмѣшкой, — на словахъ-то вы всегда честны, посмотримъ какъ будетъ на дѣлѣ; отсчитывай же деньги безъ разговора.

— Батюшка, дайте мнѣ кошелекъ, обратился молодой человѣкъ къ отцу; если позволите, я сведу счеты.

Честный Бернгардъ услышавъ грубыя слова капитана, не могъ выговорить ни слова отъ негодованія.

— Бери, сынъ мой,—сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, — бери и заплати скорѣе этому человѣку; къ счастію, намъ мало придется имѣть дѣла съ нимъ во время путешествія.

Конрадъ взялъ кошелекъ, отсчиталъ двѣсти талеровъ и нетвердой рукой подписалъ какую-то бумагу, поданную ему капитаномъ. Когда онъ подписывалъ, невольная слеза капнула на бумагу.

— Ты никакъ плачешь, дружище? сказалъ капитанъ. Эти нѣжности однако вовсе не пристали къ тому ремеслу, къ которому ты долженъ готовиться. Оставь-ка лучше эти слезы женщинамъ и дѣтямъ; а по приходѣ нашемъ въ Ріо-Жанейро постарайся быть повеселѣе, дабы мнѣ можно было повыгоднѣе сбыть тебя.

— Не бойтесь, господинъ капитанъ, отвѣчалъ Конрадъ,— это послѣднія слезы, которыми я оплакиваю свое несчастіе. Не упрекайте меня: я человѣкъ, и сердце у меня человѣческое; вы увидите, какъ я умѣю переносить то, чего нельзя избѣгнуть; не даромъ же отецъ пріучалъ насъ съ дѣтства безропотно покоряться волѣ Божіей.

— Въ такомъ случаѣ ладно, — пробормоталъ капитанъ, немного развеселясь. Онъ собралъ деньги, просчиталъ ихъ еще разъ, положилъ въ маленькій мѣшокъ, который въ свою очередь опустилъ въ огромный желѣзный сундукъ.

— Еще одно слово,— прибавилъ онъ возвращаясь къ Конраду,— твой меньшой братъ мнѣ нравится и я хотѣлъ бы имѣть его у себя... ты понимаешь?... уговори-ка его, можетъ быть, онъ и согласится...

— Избави Богъ, чтобы я сдѣлался участникомъ подобнаго торга!— вскричалъ съ негодованіемъ Конрадъ. Никогда въ жизни не соглашусь я торговать свободой моего бѣднаго брата!

— Никто не предлагаетъ тебѣ дѣлать это даромъ,— продолжалъ капитанъ, устрой только и я дамъ тебѣ пятьдесятъ талеровъ.

— Ни за какія тысячи!

— Ну, братъ, видно, что ты еще не знаешь цѣну деньгамъ. Слушай, я дамъ тебѣ шестьдесятъ талеровъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ! Я готовъ скорѣе умереть.

— Ну, хочешь семьдесятъ?

— Еслибы даже вы предложили мнѣ возвратить свободу, дать цѣлое состояніе, я и то не согласился бы.

— Такъ ты, послѣ этаго — просто дуракъ, сказалъ капитанъ и повернулся къ нему спиной. Конрадъ, съ своей стороны, вышелъ изъ каюты и подошелъ къ отцу.

— Что, кончено? спросилъ Бернгардъ, — имѣемъ ли мы, наконецъ, право занять наши мѣста?

— Сейчасъ вамъ ихъ укажутъ, батюшка, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Нѣсколько минутъ спустя они уже расположились въ углу, имѣющемъ пять футовъ ширины и семь длины. Здѣсь-то должны они были спать, ѣсть, пить и помѣстить весь свой багажъ. Воздухъ былъ тяжелый и удушливый, насыщенный міазмами и зловоніемъ; въ той-же части, корабля помѣщались сотни другихъ путешественниковъ, принадлежащихъ къ низшему бѣдному классу, почему и были они грязны и неопрятны.

Пища ихъ, состоящая изъ гнилыхъ овощей и источенныхъ червяками морскихъ сухарей, давалась въ небольшемъ количествѣ и была далеко не питательна; кромѣ того она возбуждала жажду, между тѣмъ какъ воды выдавалось такъ мало, что несчастные никакъ не могли вполнѣ утолиться, почему и претерпѣвали ужасныя мученія.

Старикъ Бернгардъ подавалъ своимъ дѣтямъ примѣръ покорности и терпѣнія, онъ ободрялъ ихъ и утѣшалъ тѣмъ, что лишенія эти недолго продолжатся; между тѣмъ новое несчастье постигло ихъ:— занемогъ ребенокъ Маргариты. Отчаянье бѣдной матери поколебало стойкость старика, онъ сталъ горячо молиться, но ничто не помогло. Ребенокъ умеръ послѣ страшныхъ страданій, продолжавшихся цѣлую недѣлю; бѣдному Бернгарду пришлось забыть свое собственное горе, чтобы подкрѣпить и поддержать неутѣшную

мать. Каждый вечеръ съ непоколебимой вѣрой просилъ онъ Бога смиловаться надъ ними, тихо прибавляя: „Господи, да будетъ воля Твоя!“

V.

Переѣздъ, какъ и слѣдовало ожидать, совершенъ былъ не безъ опасностей. Въ то время, когда корабль подходилъ уже къ берегамъ Бразиліи, его настигла страшная буря. Капитанъ, имѣя въ виду, что присутствіе пассажировъ на палубѣ можетъ мѣшать работамъ, приказалъ ихъ всѣхъ запереть въ каютахъ, расположенныхъ подъ палубой. Трудно себѣ представить положеніе этихъ бѣдныхъ людей, заключенныхъ въ узкомъ и неудобномъ пространствѣ; боковая качка бросала ихъ изъ стороны въ сторону; удержаться за что либо было невозможно, такъ какъ ящики, столы, мебель, чемоданы, въ безпорядкѣ летѣли на полъ, причиняя нѣкоторымъ сильные ушибы. Тяжело и грустно было смотрѣть на мученія этихъ несчастныхъ, изъ которыхъ многіе, къ тому же, страдали морской болѣзнью.

Подобная участь постигла и семейство Бернгарда. Въ минуту затишья, Маргарита говорила брату: „Какое счастіе, что Господь взялъ моего ребенка къ Себѣ и что ему не пришлось переносить всѣ наши страданія! Морская болѣзнь навѣрное измучила бы его болѣе, чѣмъ лихорадка, между тѣмъ какъ теперь онъ покоенъ. Не будемъ же и мы унывать, Богъ конечно не допуститъ насъ до погибели послѣ такого мучительнаго путешествія.“ Слова эти поддерживали надежду и подкрѣпляли силы остальнаго семейства.

Наконецъ они прибыли въ Ріо-Жанейро и сошли на берегъ. Столица Бразиліи обширна и содержитъ въ себѣ много изящныхъ зданій и церквей; хотя постройки большею частію и правильны, но улицы такъ узки, что теряется весь эффектъ. Кромѣ того, на каждомъ шагу встрѣчаются толпы невольниковъ и производятъ тяжелое впечатлѣніе на пріѣзжаго изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ цивилизація христіанства уничтожила рабство.

Наши путешественники сошли съ корабля въ одно время съ капитаномъ.

— Вотъ домъ мѣстнаго управленія, сказалъ онъ имъ, указывая на громадное строеніе, стоящее не далеко отъ пристани, — отправляйтесь туда сейчасъ же и тамъ узнаете въ какой части страны дозволятъ вамъ поселиться.

Семейство Бернгарда намѣревалось слѣдовать совѣту капитана, одинъ Конрадъ не двигался съ мѣста.

— Чего же ты ждешь? закричалъ ему отецъ.

— Чего ждать? повторилъ капитанъ, отвѣчая за молодаго человѣка, — вѣроятно моихъ приказаній, такъ какъ онъ принадлежитъ мнѣ и я надѣюсь скоро продать его за хорошую цѣну.

— Какъ? продать моего сына!—вскричалъ старикъ бросаясь между капитаномъ и Конрадомъ, — да не рехнулись ли вы, господинъ капитанъ?..

— Нисколько, — отвѣчалъ послѣдній съ убійственнымъ хладнокровіемъ, — вашъ сынъ мой невольникъ и, не желая терять своихъ денегъ, я постараюсь сейчасъ же сбыть его съ рукъ.

— Это ложь! безстыдная ложь!—продолжалъ Бернгардъ. И здѣсь есть вѣроятно государь и законы, которые не допускаютъ торгъ свободными людьми.

— Да, здѣсь подобный торгъ запрещенъ,— возразилъ капитанъ, исключая того случая, когда эти свободные люди продались добровольно. Посмотри вотъ сюда, старикъ:—узнаешь ли ты почеркъ твоего сына, или можетъ быть, отопрешься отъ него? Это формальный актъ, доказывающій, что сынъ твой принадлежитъ мнѣ.

Говоря это, капитанъ показалъ Бернгарду бумагу, подписанную Конрадомъ и прибавилъ:

*

„Неужели ты могъ думать, что вашъ переѣздъ можетъ стоить только двѣсти талеровъ? Самое меньшее, что я могъ бы взять за него, это четыреста, но такъ какъ Конрадъ сказалъ мнѣ, что у тебя этихъ денегъ нѣтъ, то я согласился, вмѣсто остальной платы, взять его въ невольники; ты видишь теперь, что заключенное между нами условіе совершенно законно, такъ какъ сынъ твой состоитъ мнѣ должнымъ значительную сумму, которую я едвали выручу отъ его продажи.

— Ты извергъ! воскликнулъ старикъ Бернгардъ, не имѣя силъ болѣе сдерживать своего отчаянья; а ты, Конрадъ, сынъ мой, какъ могъ ты рѣшиться насъ покинуть! подписывая это низкое условіе, ты ввѣрилъ свою судьбу негодяю. Что же будетъ съ нами безъ тебя?

— Батюшка, сказалъ Конрадъ обнимая отца, — что долженъ былъ я дѣлать? домъ нашъ былъ проданъ, средства истощились, это далекое путешествіе было нашей единственной и послѣдней надеждой. Между тѣмъ, пріѣдя въ Гамбургъ, я узналъ, что намъ не хватитъ тѣхъ денегъ, которыя у васъ оставались; я понялъ, что необходимо было или найти средства къ путешествію или же снова возвратиться на родину совершенно нищими, и потому рѣшился принять предложеніе этого человѣка. Я сознавалъ, что исполняю только долгъ, жертвуя своей свободой. Не вините же меня, батюшка, и не отказывайте въ вашемъ благословеніи.

— Несчастное дитя мое! Какое самопожертвованіе, какое самоотверженіе! — говорилъ рыдая растроганный Бернгардъ.

— Чѣмъ же намъ отплатить тебѣ за подобную жертву?—говорили въ одинъ голосъ Вильгельмъ и его сестры.

— Довольно, сказалъ капитанъ, возвышая голосъ,— пора прекратить эти нѣжности; желаю вамъ успѣха, а самъ пойду по своимъ дѣламъ; теперь вы поняли вѣроятно, что Конрадъ мой и что я вправѣ увезти его, — что же касается до васъ, то убирайтесь хоть къ чорту, если хотите; идемъ же, молодой человѣкъ, рынокъ невольниковъ въ двухъ шагахъ отсюда и такъ какъ мнѣ деньги нужны, то я желалъ бы сегодня же покончить съ тобой.

Бѣдствія Бернгарда на кораблѣ (стр. 34).

— Еще одно слово, капитанъ, закричалъ ему вслѣдъ Бернгардъ; — вотъ мои послѣдніе пятьдесятъ талеровъ, возьмите ихъ и меня, и отпустите Конрада. Я вамъ ручаюсь, что я крѣпче чѣмъ вы думаете и въ силахъ еще работать. Сжальтесь надъ моими бѣдными дѣтьми и не лишайте ихъ брата, который въ этой неизвѣстной странѣ, одинъ только можетъ охранить и поддержать ихъ.

— Ты меня, кажется, за дурака принимаешь? — возразилъ капитанъ. — Откуда ты взялъ, что я соглашусь промѣнять крѣпкаго и здороваго молодца, на человѣка твоихъ лѣтъ, которому и жизни-то остается, можетъ быть, всего только на нѣсколько дней. Слуга покорный! я совершилъ хорошую покупку и совершенно доволенъ ей. Но мнѣ

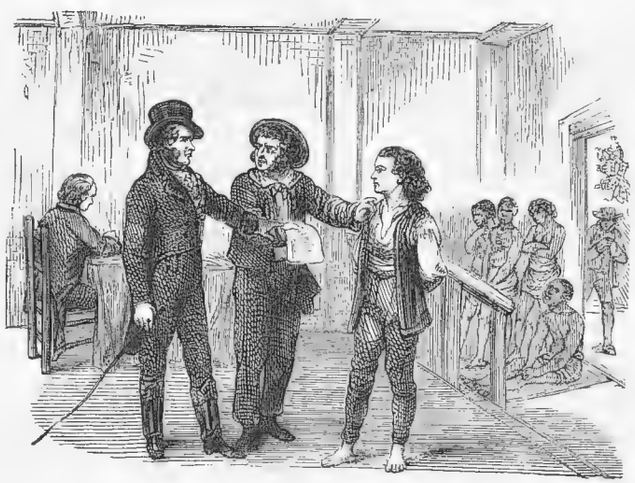
надоѣло наконецъ твое пустословіе и я прошу тебя болѣе меня не задерживать; а не то я могу опоздать на торгъ. Если бы я захотѣлъ только слушать и исполнять всѣ просьбы тѣхъ, кого я сюда привожу, то я давно сдѣлался бы такимъ же нищимъ, какъ и вы.

— Батюшка, сказалъ въ свою очередь Конрадъ, стараясь казаться твердымъ, — моя участь рѣшена, не тратьте же по пустому вашихъ словъ, не унижайтесь. Повѣрьте, что сознаніе въ пользѣ, которую принесло вамъ мое самопожертвованіе, облегчитъ мнѣ всѣ тяжести рабства. Дѣлать нечего, ваши слезы и мольбы не помогутъ, онѣ не тронутъ этого человѣка, будьте же мужественны, молитесь за меня и надѣйтесь на милость Бога.

— Пойдемъ же, наконецъ! — нетерпѣливо вскричалъ капитанъ, — торгъ уже начался.

— Прощайте, батюшка, прощайте, дорогіе мои! не забывайте меня,—проговорилъ Конрадъ, прерывающимся отъ сдержанныхъ рыданій голосомъ и скоро исчезъ въ толпѣ.

— Надо узнать, что съ нимъ будетъ, сказалъ Бернгардъ послѣ небольшаго, но тяжелаго молчанія; пойдемте и мы на торгъ невольниковъ.



Торгъ невольниками въ Ріо Жанейро (стр. 37).

VI.

Прійдя на площадь, капитанъ приказалъ помѣстить Конрада тамъ же, гдѣ стояли другіе невольники, предназначаемые къ продажѣ. Такъ какъ между ними не было ни одного бѣлаго, то одинъ изъ инспекторовъ торга обратилъ вниманіе на Конрада и спросилъ у капитана, на основаніи чего торгуетъ онъ европейцемъ?

Тотъ вмѣсто всякаго отвѣта, развернулъ условіе, подписанное Конрадомъ; видя это, смотритель сказалъ молодому человѣку:

— Если вы признаете вашу надпись на этомъ актѣ, то я ничѣмъ не могу помочь вамъ.

— Я признаю ее, отвѣчалъ Конрадъ твердо.

Смотритель снова посмотрѣлъ на него, пожалъ плечами и отошелъ. Трудно себѣ представить тѣ возмутительныя картины, которыя встрѣчаются на торгахъ невольниковъ: съ этими несчастными обращаются, какъ съ животными, забывая, что они такіе же люди; при торгѣ они подвергаются самому подробному, самому постыдному осмотру.

Здоровый и крѣпкій Конрадъ былъ купленъ директоромъ императорскихъ садовъ, очень богатымъ человѣкомъ, за пятьсотъ піастровъ, что составляетъ около шестисотъ талеровъ. Новый хозяинъ сейчасъ же увезъ его съ собою, не дозволивъ ему даже проститься съ родными. — Отчаянье старика Бернгарда и всего семейства было ужасно.

— Какое тяжелое испытаніе посылаетъ мнѣ Господь, — говорилъ почтенный старикъ: „думалъ ли я, что доживу до такого ужаснаго несчастія? Однако, дѣти, не станемъ унывать и будемъ надѣяться, что Богъ не оставитъ нашего Конрада, такъ великодушно пожертвовавшаго собой. Пойдемте же въ домъ

Управленія. — Все семейство послѣдовало за нимъ въ глубокомъ молчаніи.

Толпа эмигрантовъ уже тѣснилась у дверей зданія, ожидая своей очереди; старикъ Бернгардъ былъ послѣднимъ. По мѣрѣ того, какъ пришельцы подходили, записывались ихъ имена, затѣмъ бросали жребій на тѣ участки земли, которыя имъ были назначены, такъ что все зависѣло отъ судьбы. Секретарь правленія провозглашалъ сперва фамилію, потомъ вынималъ изъ большой вазы билетъ съ названіемъ того участка, часть котораго падала на долю эмигранта; тогда имя послѣдняго и названіе участка вносилось въ особый списокъ, и новаго владѣльца отпускали съ приказаніемъ возвратиться черезъ недѣлю за актомъ, по которому земля переходила въ его потомственное владѣніе. Порядокъ этотъ былъ постоянно одинъ и тотъ же, не допускалось ни изъятія, ни снисхожденія.

На долю Бернгарда палъ такъ называемый брилліантовый участокъ на берегу рѣки Джиджитонгонга.

— Милостивый государь, обратился въ полголоса, старикъ Бернгардъ къ секретарю, который только что объяснилъ ему по нѣмецки содержаніе его билета; не потрудитесь ли вы сказать, какова земля доставшаяся мнѣ во владѣніе и могу ли я надѣяться, что труды мои не пропадутъ даромъ?

— Вы счастливѣе многихъ, отвѣчалъ секретарь; и при трудолюбіи можете скоро разбогатѣть. Я вамъ совѣтую, только, для вашей же пользы, не имѣть никакого сношенія съ невольниками мандангскихъ рудниковъ; наши законы такъ строги, что если васъ обвинятъ въ покупкѣ у нихъ брилліантовъ, то вы можете поплатиться жизнью.

— Избави меня Богъ! вскричалъ Бернгардъ,— я никогда не позволю себѣ украсть что либо у государя, который такъ радушно принимаетъ меня въ своей странѣ. Я попросилъ бы васъ, сударь, дать мнѣ еще кое-какія свѣдѣнія о той неизвѣстной для меня землѣ, въ которой намъ суждено поселиться.

— Я съ удовольствіемъ исполнилъ бы ваше желаніе, отвѣчалъ секретарь, но присутствіе было такъ продолжительно и я такъ усталъ, что едва говорю: все что могу вамъ посовѣтовать, это купить, если у васъ есть деньги, нѣкоторые инструменты необходимые для земледѣлія и постройки дома; вамъ даютъ голую, необработанную землю, безъ малѣйшихъ средствъ даже для ея первоначальнаго обдѣлыванія. Обѣщанія правительства о поддержкѣ никогда не исполняются и многіе изъ несчастныхъ, прельстившихся ими и пріѣхавшихъ сюда безъ гроша, погибли въ нищетѣ. Слѣдуйте моимъ совѣтамъ и будьте осторожны.

— Отъ души благодарю васъ, сударь, за ваше доброе расположеніе и никогда его не забуду, сказалъ Бернгардъ и возвратился къ своему семейству.

Надо было найти недорогое пристанище, въ которомъ они могли бы пробыть ту недѣлю, которая необходима была для совершенія акта владѣнія. Незнакомые ни съ городомъ, ни съ нарѣчіемъ жителей, они бродили по улицамъ, не зная куда и къ кому обратиться. Наконецъ, проходя около полудня по одной изъ отдаленныхъ улицъ, они встрѣтили знакомаго матроса, съ корабля, на которомъ прибыли. Не смотря на свою грубую натуру, человѣкъ этотъ привязался къ нимъ и во время плаванья доставлялъ различныя удобства, помимо капитана. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ сейчасъ же взялся указать имъ скромную гостинницу; дорогой онъ сообщилъ Бернгарду объ участи постигшей Конрада и прибавилъ, что надѣется устроить на слѣдующій день свиданье между отцемъ и сыномъ. Обѣщаніе это немного успокоило бѣдное семейство, и оно отъ души благодарило добраго моряка.

На другой день, рано утромъ, вѣрный своему обѣщанію, онъ пришелъ за Бернгардомъ; дѣти хотѣли было слѣдовать за отцемъ, но матросъ уговорилъ ихъ остаться.

Подойдя къ однимъ изъ воротъ импера-

торскихъ садовъ, морякъ, который хорошо зналъ португальскій языкъ, спросилъ у сторожа позволеніе войти.

— Гдѣ ваши билеты? — въ свою очередь спросилъ послѣдній, съ презрѣніемъ осматривая пришельцевъ.

— У насъ ихъ нѣтъ,—отрывисто отвѣчалъ матросъ, оскорбленный такимъ грубымъ пріемомъ; дѣло въ томъ, что мой товарищъ уѣзжаетъ отсюда и желалъ бы передъ отъѣздомъ проститься съ своимъ сыномъ, купленнымъ инспекторомъ садовъ его величества.

— Отчего же онъ не простился раньше? вскричалъ сторожъ, — теперь поздно; да притомъ возможно ли отрывать отъ занятій нашихъ невольниковъ, которые работаютъ съ утра до ночи и несмотря на это, дѣло мало подвигается!

Съ этими словами сторожъ заперъ калитку и спокойно закурилъ сигару.

— Немного же мы узнали, сказалъ матросъ, — вѣроятно есть средство получить входный билетъ, но я такой же ничтожный человѣкъ, какъ и ты, и за это не берусь, потомучто здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, во всемъ нужна протекція.

Они вернулись домой сильно огорченные своей неудачей; Маргарита, Анна и Вильгельмъ отъ души сочувствовали отцу.

— Не грустите, дѣти, сказалъ онъ имъ — покоритесь и на этотъ разъ волѣ Всевышняго. Будемъ молиться за Конрада, чтобы Богъ послалъ ему силу и терпѣніе и не забудемъ, что безропотная покорность всегда облегчаетъ испытанія, посылаемыя намъ въ этой жизни!

(*Продолженіе будетъ.*)

ФОНАРЩИКЪ.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА XXXVI.

Страшное произшествіе.

регамъ въ письмѣ своемъ къ дочери, предупреждалъ ее, что въ Нью-Йоркѣ онъ ее встрѣтитъ, на пристани, у самаго парохода, по этому докторъ, снарядивъ Емилію и Джерти, проводилъ ихъ до Альбани, и покуда пароходъ разводилъ пары подшучивалъ надъ Джерти, не воображая главной причины ея грусти:

— Милая миссъ Джерти, говорилъ онъ, лукаво прищуриваясь, мнѣ что-то сдается, что вы въ Саратогѣ сердце потеряли. А то съ чего у васъ такая интересная меланхолія? Но вѣдь сердце не булавка, его найти можно, главное поглядывайте кругомъ... я надѣюсь, что мы въ Бостонѣ свидимся веселые по прежнему.

Раздался звонокъ, — всѣ поспѣшили на пароходъ, — въ эту минуту подъѣхала коляска, изъ нея вышла Белла Клинтонъ съ красивымъ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ— ее провожала цѣлая компанія молодежи; всѣ шутили, смѣялись, весело осыпая ее комплиментами,— она какъ будто сердилась, а сама была очень рада. Изъ дали шелъ Вильямъ Суливань, онъ казался озабоченнымъ, грустнымъ; перекидывая съ одного плеча на другое тяжелый свой плэдъ, онъ съ берега прощался съ Беллой, которая ему изъ дали говорила: „въ четвергъ я непремѣнно ворочусь... ну стоитъ ли объ этомъ говорить?“

Раздался второй звонокъ, пароходъ тронулся — Вилли снялъ шляпу — и повернулъ въ городъ; — въ это самое мгновеніе, человѣкъ высокаго роста, запыхавшись, бѣжалъ по берегу и съ удивительною смѣлостію прыгнулъ вдругъ на колесо парохода, когда онъ уже былъ на ходу. Всѣ присутствующіе, почти въ одинъ голосъ, ахнули отъ страха и удивленія — а онъ какъ будто того не замѣчая, отправился въ мужскую каюту, вынулъ книжку изъ кармана и принялся читать.

Какъ только всѣ на пароходѣ размѣстились и поуспокоились, Емилія спросила Джерти.

— Мнѣ кажется, что я слышала голосъ Изабеллы Клинтонъ, это она?

— Она.

— Развѣ она насъ не видала?

— Я думая, что видѣла. Она все въ нашу сторону смотрѣла, пока разставляли для нея столъ и стульи.

— Можетъ быть она ѣдетъ въ Нью-Йоркъ, чтобы повидаться съ мистресъ Грегамъ?

— Очень вѣроятно, я объ этомъ и не подумала, замѣтила Джерти.

— Кому же она говорила, что воротится въ четвергъ?

— Вилли, отвѣчала тихо Джерти.

Этимъ разговоръ и кончился.

Но онъ глубоко отзывался въ сердцѣ Джерти; пароходъ быстро шелъ по широкой рѣкѣ, красивые виды, которые въ первую поѣздку такъ плѣнили молодую дѣвушку, точно такими же живыми картинами проходили мимо нея, но она ничего не видала, ничего не замѣчала, ничѣмъ не восхищалась. Горько было у нея на душѣ. „Вилли ее разлюбилъ, Вилли ее забылъ“ только эти горестные слова вертѣлись неотрывно у нея на умѣ.

Надо сказать, что въ Америкѣ устройство пассажирскихъ пароходовъ совершенно отличается отъ европейскихъ судовъ такого рода. Особенно пароходы Гудсоновой компаніи замѣчательны по вышинѣ и величинѣ размѣровъ, по обширности помѣщенія. Это какіе-то громадные дома въ нѣсколько этажей, съ залами и галлереями, съ громаднымъ отдѣленіемъ для багажа путешествующихъ, съ читальной, съ бильярдомъ и всевозможными удобствами. Но несмотря на это, шкипера ихъ люди отчаянные; у нихъ своего рода честолюбіе и страсть пускаться въ перегонку съ пароходами другихъ компаній, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своихъ пасажировъ; они, чтобы перещеголять соперника скоростію хода, рискуютъ въ такого рода состязаніяхъ столкнуться и даже разбиться, — они готовы затопить противника, лишь бы слава лучшихъ *бѣгуновъ* осталась за ними.

Наши путешественницы, сидя на палубѣ, пріютились очень удобно, около маленькаго столика; Джерти первая замѣтила, что они безпрестанно то обгоняли, то отставали отъ другаго парохода, который держался лѣваго берега, и былъ совершенно такой же величины и конструкціи, какъ и тотъ, на которомъ онѣ находились сами. Иногда, особенно на поворотахъ, оба парохода такъ близко подходили одинъ къ другому, что мужчины пассажиры громко выражали свое неудовольствіе и опасенія, а женщины съ испугу вскрикивали. Останавливаясь на промежуточныхъ станціяхъ, шкипера такъ спѣшили высадить тѣхъ кого слѣдовало, что бѣдные путешественники толкались, какъ овцы, бросаясь на пристань съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, потому что звонокъ къ отчаливанію раздавался, прежде чѣмъ и люди и вещи ихъ были на берегу. Такъ плыли наши путешественницы все утро. Общее негодованіе прибавлялось, а шкиперъ, никого не слушая, все прибавлялъ ходу, пароходъ бѣжалъ дѣйствительно съ страшною скоростію: онъ обгонялъ соперника, но не на долго — и тамъ — шкиперъ точно также не уступалъ, борьба продолжалась съ упрямствомъ, свойственнымъ однимъ Янки.

Джерти съ волненіемъ всматривалась въ лица людей ее окружающихъ, чтобы судить по нимъ есть ли дѣйствительно какая нибудь опасность въ ихъ положеніи?

Емилія чутко прислушивалась ко всему, что около нихъ говорилось, но была блѣднѣе обыкновеннаго. Какая-то суматоха была замѣтна между матросами парохода, шкипера на палубѣ не было, — многіе бѣгали, шептались... наконецъ кто-то громко закричалъ: „Пожаръ, пожаръ! мы горимъ!..“

Какими словами описать страшную сцену отчаянія и испуга, которые съ быстротою молніи обуяли всѣхъ присутствующихъ при этихъ ужасныхъ словахъ? Со всѣхъ сторонъ раздавались крики и брань. Съ воплями и слезами пассажиры протягивали руки къ пустыннымъ и каменистымъ берегамъ, къ которымъ подойти было невозможно, цѣлые ряды высунутыхъ изъ воды гранитныхъ скалъ загораживали къ нимъ дорогу. Общее волненіе возрастало съ каждой минутой, иные громко молились, другіе съ отчаяніемъ искали, кто мужа, кто жену, кто дѣтей: всѣ растерялись, всѣ чувствовали страхъ смерти и смерти ужасной. У людей самыхъ твердыхъ, самыхъ храбрыхъ дрогнуло сердце и голова закружилась.

Емилія и Джерти, сидя рядомъ, схватились крѣпко руками. — Джерти глядѣла во всѣ стороны, чтобы удостовѣриться въ томъ, что на пароходѣ пожаръ. Сердце ея сильно билось, дыханіе даже было какъ будто стѣснено. Огня еще не было видно, но черный дымъ валилъ клубами около самой средней трубы изъ полу и предвѣщалъ о скоромъ появленіи огня. Емилія тутъ же лишилась чувствъ и упала на руки Джерти блѣдная, какъ смерть. Въ эту самую минуту Джерти почувствовала, что ее кто-то крѣпко схватилъ за плечи, и шопотомъ сказалъ ей:

— Джерти, дитя мое... милая дочь, я спасу тебя... не бойся... иди за мной!., что-то родительское, отцовское звучало нѣжно въ отрывистыхъ словахъ.

— Нѣтъ, говорила она сквозь слезы и рыданія, я не оставлю Емилію, ни за что въ свѣтѣ...

— Я спасу васъ обѣихъ, отвѣчалъ Филипсъ... это былъ онъ. Поднявъ Емилію на руки, онъ понесъ ее какъ перо, проталкиваясь въ толпѣ испуганныхъ несчастныхъ путешественниковъ; Джерти шла за ними.

— Лишь бы намъ выбраться на носовую часть парохода! говорилъ онъ, — тогда мы спасены...

Въ это время пламя точно вырвалось изъ нижнихъ ярусовъ громаднаго судна и, извиваясь страшными языками, охватывало все, что ему попадалось на дорогѣ. Люди отхлынули отъ огня и съ криками и рыданіями давили другъ друга, Филипсъ, съ Емиліей на рукахъ и безпрестанно оборачиваясь на Джерти, подвигался съ отчаяніемъ впередъ, потъ катился съ него градомъ, онъ боролся не съ своею только смертью, но съ смертями двухъ чудныхъ существъ, Емиліи и Джерти.

Черезъ минуту, пароходъ, направленный къ берегу, сильно ударился о подводные камни и переломился на самой срединѣ. Филипсъ съ опытностію и ловкостью человѣка бывалаго — искалъ главное спасеніе тамъ, куда огню труднѣе было пробраться и потому сошелъ по лѣстницамъ въ нижнія отдѣленія. Всѣ шлюпки были спущены, люди бросались въ нихъ десятками, утонуть или задохнуться было точно такъ-же легко, какъ и сгорѣть. Онъ хотѣлъ спасти и Емилію и Джерти во что бы то ни стало, и потому рѣшился на отчаянный поступокъ.

— Джерти, дитя мое, сказалъ онъ твердымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительнымъ голосомъ, стойте здѣсь у этаго окна и если бы огонь сталъ подходить, вы спуститесь внаружу въ это окно, по этой веревкѣ еще ближе къ водѣ — не бойтесь — я сію минуту отнесу ее на берегъ, и ворочусь... продолжалъ онъ, показывая на лежащую у него на рукахъ слѣпую. Съ этими словами Филипсъ кинулся въ рѣку и поплылъ съ чрезвычайною ловкостію между сотней другихъ спасающихся на чемъ кто могъ.

Джерти не сводила съ нихъ глазъ, берегъ былъ впрочемъ близко, Филипсъ плылъ какъ

рыба, но и огонь все разгорался, дымъ становился все гуще и гуще, онъ ѣлъ глаза, Джерти отъ него задыхалась, — взглянувъ въ сторону, она увидѣла что кто-то протягиваетъ къ ней руки и съ отчаяніемъ и воплями кричитъ прерывающимся голосомъ:

— Джерти, умоляю васъ, спасите, спасите меня...

Изабелла Клинтонъ, это была она, ползла къ ней на колѣнахъ, укутывая голову шерстянымъ платкомъ и не переставая умаливать раздирающимся голосомъ:

— Спасите, я жить хочу, я боюсь смерти, я боюсь огня, этаго ужаснаго огня, Джерти, милая, добрая Джерти, помогите мнѣ!

Джерти старалась помочь ей встать на ноги, но перепуганная и малодушная Белла такъ обезсилѣла, что падала при малѣйшемъ усиліи и кричала пронзительнымъ голосомъ. Уцѣпившись за Джерти, она не давала ей сдѣлать ни одного шагу, ни одного движенія; напрасно Джерти говорила ей:—„Сюда, сюда, ближе къ окну, вонъ нашъ спаситель, онъ плыветъ обратно...“ Филипсъ дѣйствительно возвращался вплавь.

Жаръ отъ огня проникалъ все ближе, Джерти съ отчаяніемъ видѣла, что страшная смерть близка, что если можно спастись, то или Изабеллѣ или ей, выпрыгнувъ изъ окна первой, и спускаясь по привязанной Филипсомъ веревкѣ... У нея мелькнуло въ умѣ, что Изабелла была любима Вилли, что, можетъ быть, она необходима для его счастія... и геройское чувство проснулось въ ея волнующемся сердцѣ. „Пусть она выскочетъ первая изъ окна, говорила Джерти сама съ собой, я готова умереть, мнѣ жизни ея жаль“ и обращаясь къ Беллѣ продолжала умоляющимъ голосомъ:

— Миссъ Белла, не теряйте времени, скорѣй въ окно... ободритесь, вы будете спасены...

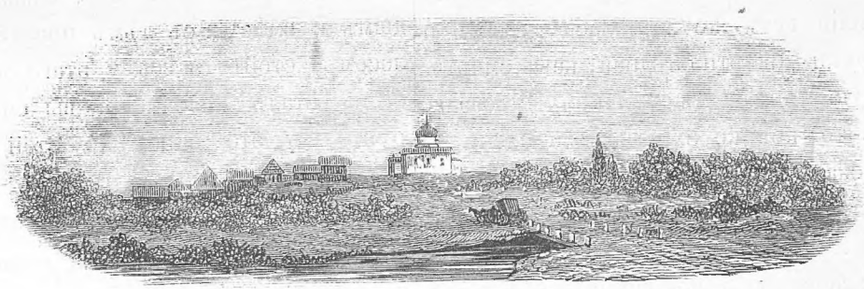
Пахнулъ вѣтеръ и обѣихъ дѣвушекъ такъ жаромъ и обдало.

— Мы горимъ, что я буду дѣлать? кричала Белла, пролѣзая въ окно.

— Нѣтъ, нѣтъ, не горимъ, отвѣчала Джерти, это отъ дыма такъ жарко.

Изабеллу кто-то подхватилъ, Джерти въ свою очередь высунулась въ окно, дымъ и огонь ее окружали, она, карабкалась руками и ногами, зацѣпилась наконецъ за спасительную веревку, но тутъ же потеряла сознаніе и какъ бездыханное тѣло рухнулась въ воду.

(Продолженіе будетъ.)



Редакторъ-издательница М. Ростовская.

Дозволено цензурою, 8 декабря 1868 г. С. Петербургъ, типографія Майкова, въ д. Мин. Финан., на Дворц. площади.